

ЛЕГЕНДАРНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

2

Николай
Долгополов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей (Молодая гвардия)

Николай Долгополов

Легендарные разведчики-2

«ВЕБКНИГА»

2021

Долгополов Н. М.

Легендарные разведчики-2 / Н. М. Долгополов — «ВЕБКНИГА»,
2021 — (Жизнь замечательных людей (Молодая гвардия))

ISBN 978-5-235-04468-5

В новой книге «Легендарные разведчики-2» из молодогвардейской серии «ЖЗЛ» вам предстоит познакомиться с героями, с которых лишь недавно снят гриф «Совершенно секретно». Их открывает для вас дважды лауреат литературной премии Службы внешней разведки РФ писатель Николай Долгополов. И потому знакомство с Героями России Алексеем Козловым и Жоржем Ковалем, нелегалами Михаилом и Елизаветой Мукасей, Еленой Модржинской, Иваном Михеевым, нашими агентами Клаусом Фуксом и членом «Кембриджской пятерки» Дональдом Маклейном, настоящим подполковником Рудольфом Абелем, а не полковником Вильямом Абелем — Фишером... станет для читателя откровением. Автор не мог не возвратиться к прежним Героям — тому же Вильяму Фишеру, Рихарду Зорге, о деятельности которых за последнее время стало известно немало нового. Изложена версия гибели великого Николая Кузнецова. В книге дан ответ на часто задаваемый вопрос: был ли разведчиком академик Евгений Примаков, спасший Службу внешней разведки от грозившего ей в начале 1990-х развала? Здесь же рассказ о Герое России Икс, чье имя пока не раскрыто. Есть в «Легендарных разведчиках-2» и некий момент мистификации. Среди персонажей этой книги и любимица главарей Третьего Рейха — русская актриса Ольга Чехова. Но была ли она советской разведчицей?

ISBN 978-5-235-04468-5

© Долгополов Н. М., 2021

© ВЕБКНИГА, 2021

Содержание

Пять абзацев от автора	7
Зорге без мифов	8
Версия. Как погиб разведчик Кузнецов	44
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Николай Долгополов

Легендарные разведчики-2

Пять абзацев от автора

Благодарю, уважаемый читатель, потому что книга из молодогвардейской серии «ЖЗЛ» «Легендарные разведчики-2» родилась исключительно благодаря вам. Первая – «Легендарные разведчики» – была вами оценена, раскуплена, несколько раз за короткий срок переиздана. И на встречах с вами, читателями, и по почте – простой и электронной – вы спрашивали о продолжении, даже подсказывали имена. И я решился.

Меня предупреждали: рискованно. Ведь почти обо всех разведчиках первого плана уже рассказано в «Легендарных...». Не соглашусь. Хотя бы потому, что, по крайней мере, для меня и, верю, для вас не существует разделения людей этой штучной, точнее уникальной профессии на первый или второй разряды. Есть герои более известные, которым в силу различных, иногда грустных и даже трагических обстоятельств суждено было выйти из безвестности раньше остальных. С других, порой лишь после кончины, сняли, казалось, вечный гриф секретности. И потому знакомство с Еленой Модржинской, Иваном Михеевым, Джо Ковалем, Клаусом Фуксом, настоящим подполковником Рудольфом Абелем – не полковником Вильямом Фишером, из оперативных соображений воспользовавшимся именем и фамилией своего друга, – ...будет для читателя полезным.

Не мог не вернуться к прежним Героям – тому же Вильяму Фишеру, Рихарду Зорге, о деятельности которых за последнее время стало известно немало нового из архивов – государственных и сугубо личных, родственных. Попробую изложить новую версию, подчеркиваю, лишь версию, гибели великого Николая Кузнецова. Отвечаю на часто задаваемый вопрос, были ли разведчиком академик Евгений Примаков, спасший Службу внешней разведки от грозившего ей в начале 1990-х развала. Постарался рассказать о Герое России Икс, чье имя пока не раскрыто. Может, удастся назвать его фамилию и поведать о совершенных им подвигах в «Легендарных разведчиках-3»? Но это я забегаю вперед. Введу и некий момент мистификации. Среди персонажей этой книги и любимица Гитлера – русская актриса Ольга Чехова. Но была ли она советской разведчицей?

И последнее. Перед некоторыми моими героями я испытываю некое чувство если не вины, то не до конца выполненного писательского долга. Что-то и когда-то я о них рассказывал, представлял, не выделяя из общего ряда. Сейчас они, к примеру, Михаил и Елизавета Мукасей, Юрий Соколов... снова с нами.

Благодарю за помощь Пресс-бюро Службы внешней разведки РФ во главе с Сергеем Ивановым, моих добровольных помощников – собкора ТАСС в США Андрея Шитова, исследователей Бориса Александрова, Бориса Рябчикова и Льва Моносова, редактора этой книги полковника разведки в отставке Игоря Прелина и многих, многих других небезразличных и отзывчивых, без которых не пишутся такие книги. Вот и всё. Теперь вы готовы? Тогда переворачивайте страницу.

Ваш Николай Долгополов

Зорге без мифов (Рихард Зорге)

Парадоксально, но гражданин Германии, немецкий коммунист Рихард Зорге, получивший затем советский паспорт и ставший резидентом военной разведки СССР в Токио, действительно появился на свет поблизости от Баку.

«Я родился на Южном Кавказе, меня привезли в Берлин совсем маленьким. Этот факт из моей жизни я всегда помнил. Я, возможно, слишком русский, я – русский до мозга костей». И первые слова, им произнесенные, были русскими. Лишь в Берлине в возрасте четырех лет мальчик заговорил по-немецки.

Недавно еще раз полюбовался памятником Зорге, установленным в начале 1980-х в столице советского тогда Азербайджана. Монументальная работа знаменитого скульптора Владимира Цигалья, сделанная в соавторстве с бакинскими зодчими, одна из достопримечательностей города и уж точно украшает парк, где степенно прогуливаются жители.

Что не украшает, так это комментарий гида на английском языке, постоянно называвшего казненного 7 ноября 1944 года в Токио Зорге «советским шпионом». Даже немцы, в основном и ехавшие в огромном экскурсионном автобусе, озадачились таким жестким ярлыком. Потом подходили ко мне, говорили на нормальном, как говорят теперь многие немцы, английском, что и в их понимании Зорге не шпион (*spy*), а разведчик (*intelligence man*).

Впрочем, как объяснил мне гид, есть два варианта одной и той же экскурсии по городу Баку. Одна – на английском, к нам, россиянам, безжалостная. Вторая – на русском, более мягкая по отношению к гостям из веками близкой Азербайджану страны. Надеюсь, хоть в «более мягкой» своего легендарного земляка Рихарда Зорге именуют разведчиком.

Кстати, о том, кто разведчик, а кто и шпион, я долго говорил с ушедшим ныне Героем России, полковником, атомным разведчиком, историком, теоретиком и аналитиком разведки Владимиром Барковским. Владимир Борисович, которого еще до ухода называли легендой советской разведки, высказывался на сей счет точнее: «Человек, который приносит пользу твоей родине – всегда разведчик. Наносящий ей ущерб – шпион». Уверен, что братскому Азербайджану Рихард Зорге ущерба никогда не наносил.

Но как же Рихард Зорге «попал» в Баку? История проста и документально подтверждена. Его отец, немецкий инженер Герман (наберитесь терпения) Адольф Рихард Курт Зорге, работал здесь в селении Сабунчи с 1885 года обычным техником на нефтяных промыслах у того самого и выдумавшего знаменитую ныне премию промышленника Нобеля. Потом, поднакопив денег, сделался владельцем чугунолитейного и механического завода. Но летом 1892 года добралась до Сабунчи эпидемия холеры, и жена немца умерла. И он, вдовец с несколькими детьми, женился на молодой прислуге – 22-летней сироте, дочери рабочего-железнодорожника Нине Кобелевой.

Брак, как ни странно, сложился удачно. Нина искренне полюбила солидного немецкого инженера, жили они в счастье и достатке. 4 октября 1895 года в поселке Сабунчи Бакинского уезда Нина Кобелева-Зорге родила сына, названного Рихардом.

Его отец совсем не интересовался политикой. Странно, ведь в жилах Германа Адольфа... текла и кровь Фридриха Зорге, одного из основателей и секретаря I Интернационала, друга и помощника Карла Маркса, а также Фридриха Энгельса. Сын Рихард приходился Фридриху Зорге внучатым племянником. Соратник Маркса скончался в Америке. Вышла его обширная переписка с основателями марксизма. Только вот отец Рихарда детям своим завещал держаться подальше от всяких революций и пахнущей кровью политики. В Баку семья жила в мире со всеми, ни в какие конфликты не ввязывалась.

Этот бакинский период продлился недолго. Через три года все многочисленные отпрыски Зорге во главе с отцом отправились в Берлин, где в западном пригороде на Манизерштрассе и прошло детство Рихарда или Ики, как его нежно называли вся родня и знакомые. Так что еще раз: младенец никакого вреда бакинцам нанести был просто физически не в состоянии. Несколько детских лет в Азербайджане – единственная безмятежная пора в его суровой, щедрой на испытания жизни.

Иногда вдруг всплывали какие-то «бакинские» подробности. То мой приятель, давно покинувший Азербайджан, рассказывал, будто его бабушка жила «ну, совсем рядом, прямо по соседству с семейством Зорге». И эта мудрая старая армянская женщина-бакинка каким-то образом поддерживала связи с уехавшими в Германию. И даже еще до Второй мировой знала, кем стал росший на ее глазах до трех годков Рихард. Но вот это – уж вряд ли. Если бакинская бабушка поддерживала связи с близкими Зорге, то вряд ли ей сообщали из столицы Рейха о судьбе коммуниста Рихарда, сначала арестованного в Германии, а потом вдруг как в воду канувшего.

Или выискивались в столице Азербайджана знатоки, утверждавшие, что некоторые другие родственники Рихарда Зорге тоже работали на советскую разведку. Обучались «на нелегалов» в СССР, а еще конкретнее – в том же Баку. Никаких документальных подтверждений этому нет.

По-моему, домыслы о родственниках – чекистах родились потому, что в окружении будущего Героя было немало тех, кто впоследствии отдал уже в Германии дань увлечения (или, как Рихард, – жизнь) марксизмом. Так что все это – мифы, без которых не обойтись ни одной видной личности.

Но бакинские легенды, как и памятник в парке, мне, честно говоря, нравятся. Они делают разведчика ближе, роднее. Это ж здорово, когда людям из разных точек бывшей огромной страны хочется верить: он и наш Герой тоже.

Хотя Рихард Зорге начинал в армии немецкой. В Первую мировую пошел на фронт добровольцем. Быстро понял, что к чему и кому нужны такие войны. После третьего тяжелого ранения врачам пришлось его оперировать. Левая нога стала короче, Зорге слегка прихрамывал, но ничуть этого не стеснялся. Своеобразная походка даже придавала ему определенный шарм.

Как тут не вспомнить еще одного Героя – только России – атомного разведчика Александра Феклисова. В молодости, спасая людей, он отморозил ухо. Но настолько не обращал внимания на недуг, что и все его соратники, агенты, иностранные оппоненты невольно свыклись с этим, поняли, что глухой на одно ухо полковник прекрасно слышит мир. Вот и легкое прихрамывание Зорге вызывало у женщин некое восхищение – навстречу им идет рыцарь, герой.

Рыцарь – не рыцарь, но в Германии он участвовал в восстаниях и боях, которые, как надеялись и немецкие рабочие, и российские их вдохновители, закончатся такой же революцией, что произошла в 1917-м в России. Не получилось. Тюрьма, подполье, знакомство и работа с вождем немецкого пролетариата Эрнстом Тельманом. И здесь, подметив в Зорге нечто выделяющее его из толпы митингующих, ему поручают ответственный пост: он отвечает за безопасность представителей высшего советского и партийного руководства, приезжающих в Германию. Охрана ведется если и не совсем профессионально, то с большим старанием.

Тут к Зорге начинают приглядываться советские чекисты. Такой приятный, старательный парень очень пригодился бы Коминтерну и в Москве. В ней Рихард обосновывается в 1924-м, получив советское гражданство.

В столице мирового социализма он пишет великолепные статьи – почти все под своей фамилией – в коммунистической прессе и работает в отделе информации Коминтерна. Странно, что коммуниста и публициста никак не прикрывали, печатался хотя бы под псевдо-

нимом. Ведь из инфоотдела до разведки всего лишь пара шагов. Зорге делает их не по приказу. Он уверен, что именно работая за кордоном, сможет принести наибольшую пользу мировой революции.

Откровенно говоря, мне так до конца и непонятно, как удалось Зорге больше десяти лет избегать всяческих подозрений со стороны суровых фашистских спецслужб. Хорошо, действительно работал вдали от Третьего Рейха. Но как не попал в сети контрразведки, бдительно раскручивавшей жернова проверок, еще когда жил в Веймарской Германии? Ведь были и арест в 1920-м, и членство в германской компартии. А десятки брошюр и статей исключительно антифашистского, даже скорее сугубо коммунистического толка. Они издавались под настоящей фамилией журналиста и в Германии, и в Советском Союзе. Допустим, Киму Филби и другим членам так называемой «Кембриджской пятерки» юношескую левизну простили благодаря благородному происхождению и родительским генам. А как не попал в картотеку сверхподозрительного гестапо Зорге? Правда, можно вспомнить эпизод с намечавшимся назначением любимца немецкой колонии в Токио в партайгеноссе – вот до какой степени ему доверяли. Тогда московский Центр и сказал свое веское слово: опасно! Из Токио просто обязаны были запросить подтверждение о благонадежности кандидата на пост руководителя организации НСДАП, объединявшей всех наци, живущих в Японии. И Зорге под благовидным предлогом отказался.

Нахожу этому лишь одно объяснение. Обаяние личности Рихарда Зорге было таково, что в головы (и умные тоже) людей, с ним общавшихся, никакое подозрение проникнуть никак не могло. Им хотелось верить в этого человека. И верили.

А еще удача. Теперь бы сказали: Зорге был фартовым. И это – тоже правда. Но даже фарт имеет обыкновение заканчиваться.

Шанхайские университеты

Да, советский разведчик Рихард Зорге прославился в основном фантастически успешной работой в Токио. Однако не следует забывать, что еще до длительного японского периода Зорге отработал несколько лет в Китае.

Легенда, как говорят профессионалы, приезда в Китай немецкого, а на самом деле уже советского, гражданина Рихарда Зорге проста. Сравнительно молодой человек отправился в огромную страну для изучения банковского дела и написания статей для трех иностранных изданий.

Кто придумал эту легенду? Парадоксально, но не высокое начальство из Разведывательного управления Красной армии, а сам начинающий разведчик. Да, настоящим разведчиком Зорге было назвать трудно, хотя его официально приняли на работу в Разведупр. Короткие собеседования, прощупывание на тему того, где, на каком участке немец мог бы быть полезнее и эффективнее. Приступили к учебе, которой суждено было вскоре завершиться.

Выяснилось, что сейчас не до нее. Горячая ситуация создалась в Китае, кого-то надо было туда срочно отправлять. И послали Зорге. Решение случайное, но именно случайно оказавшееся как раз верным. Рихард потом признавался, что ему не по душе чопорная, до боли знакомая Европа. Больше притягивало новое, неизвестное, восточное, азиатское. Вот где могли пригодиться его работоспособность и темперамент. К тому же в Советском Союзе возлагали немалые надежды на Китай – там могла развернуться настоящая революция.

Китай стал его сознательным выбором. Потому он без колебаний принимает предложение руководителя Разведупра Берзина отправиться в Шанхай.

И как можно скорее. Всего ничего прошло с момента принятия решения работать на советскую разведку, а уже 10 января 1930 года японское судно с Зорге на борту бросает якорь в шанхайском порту.

За два с половиной месяца до отъезда энергичный немец сумел обогатить собственную легенду убедительными деталями. Еще в давние времена во Франкфурте Рихард познакомился с главным редактором «Дойче Гертрайдэ Цайтунг». Газета имела скорее сельскохозяйственное направление, чем какое-то политическое. Зато выходила ежедневно. Ее главный редактор сумел найти небольшие деньги на отправку в Китай собственного корреспондента. На только эти средства было не протянуть. И чтобы придать легенде еще большую правдивость и оправдать получаемые из московского Центра деньги на ведение разведывательной работы, Рихард быстро ухитрился заключить в том же Франкфурте договор с германо-китайским обществом на проведение научного исследования. Тема – «Происхождение и развитие банковского права в Китае».

Успел Зорге даже не съездить, а, извините, смотаться в США. Там он договорился, что будет регулярно посылать материалы для двух американских газет. И псевдоним (вовсе не оперативный) прекрасно знающий английский и отлично на этом языке писавший Рихард придумал соответствующий – Алекс Джонсон.

Он приехал в Китай под собственным именем и со своими подлинными документами немецкого гражданина. На его визитной карточке того периода, щедро раздаваемой и охотно из рук симпатичного немца принимаемой, выведено: «Доктор Рихард Зорге, почтовый ящик 1062, Шанхай».

Чем же занимался Рихард в Китае? Вместе с Берзином они определили список наиболее важных задач. Первая – определить и дать характеристику социальной, а также внешней и внутренней политической деятельности нанкинского правительства и отдельных его фракций. Далее выявить военный потенциал чанкайшистов. Получить сведения об оснащении армии – не только сил Чан Кайши, но и многочисленных военных клик, то появлявшихся, то исчезающих на внутривластной арене Китая. Понять, какую стратегию избрали для себя в этом регионе США и Англия. Определить, на что способны иностранные державы в этой стране и какова их мощь.

Считается, что если 70 процентов из намеченного разведчику удастся, то его миссия выполнена успешно. Справился со сложнейшими задачами и Зорге. За два года в Центр было передано около шести сотен донесений. О их важности свидетельствует другая красноречивая цифра. 250 из них легли на стол товарища Сталина.

Наиболее ценный документ из всего присланного, конечно, копия Антикоминтерновского пакта. Она попала в Москву еще раньше, чем ее получил в Италии сам участник фашистской оси Бенито Муссолини.

И это, несмотря на то, что почти сразу же, как и каждый иностранец, Рихард попал под колпак спецслужб. Вот свидетельство из архива полиции Шанхая: «С июля 1931-го по январь 1932-го Зорге находился под наблюдением полиции. Проверяли его абонементный ящик 1062. Следили за квартирой. Было установлено: из дома выходит редко. Свободное время проводит, играя в шахматы со знакомыми».

Надо заметить, что Рихард явно перехитрил службу наружного наблюдения (наружку. – *Н. Д.*). «Из дома выходит редко»... А Зорге изъездил весь Китай, преодолев 10 тысяч километров по трудным его дорогам. «Время проводит, играя в шахматы»... Но именно в Китае он как следует сработался с радистом Максом Клаузенем и его русской женой Анной, прибывшими в Шанхай в декабре 1929 года.

Как быстро все произошло! В 1928-м коммунист Клаузен приезжает в Москву. Сбывается его давнишняя мечта: он будет работать и жить в стране, строящей социализм. Но у разведки были на Макса свои виды. Ему предложили пойти на курсы радистов, которые он, проявив завидные способности, закончил через год. И сразу командировка в Шанхай, где легко сходящийся с людьми улыбчивый немец занялся коммерцией.

Случайно познакомился с женщиной, жившей по соседству. Ее звали Анной. Красивая и спокойная русская после некоторых настойчивых предложений, нет, еще не руки и сердца, а всего лишь поменяться снимаемыми комнатами, согласилась с чудачком немцем. Тот почему-то хотел жить только на неудобном чердаке, а ей отдавал свою гораздо более удобную квартиру этажом ниже. Тогда Анна еще не знала, что на чердаке радиостанция ее будущего мужа работает почти безукоризненно, а этажом ниже много помех. Знакомство переросло в дружбу, а дружба завершилась замужеством. Согласие на брак дали Клаузену – помимо невесты – сначала резидент Зорге, а потом и Центр.

Долго скрывать от Анны, кем на самом деле он является, «коммерсанту» Максу не удалось. Обстоятельства не позволяли продолжать игру в молчанку с собственной женой. Правда, сначала объяснения мужа в том, что он специалист по радиосвязи, успокоили Анну. Но почему такие частые отлучки? Зачем перевозить – и тайно – рацию с места на место? В конце концов Клаузен был вынужден признаться. Жена поняла и приняла.

И уже скоро, переезжая через границу, хладнокровно выдержала одно из первых испытаний. Таможенник увидел здоровенный ящик с рацией. Но открывать его было так долго и мучительно, что он попытался взять молодую женщину на испуг. Потребовал, чтобы та под клятвой призналась, что в деревянном коробе. И Анна без сомнений выдала: «Посуда. Только тщательно упакованная посуда. Будете открывать? Если перебьете, придется вам и расплатиться». Рация благополучно пересекла границу, а Центр больше не сомневался: приобретен хладнокровный и надежный помощник. Кстати, подобной выдержки, демонстрируемой в тяжелейшие моменты, не всегда хватало Макс.

Вернувшегося после Шанхая в СССР Клаузена почему-то послали в степной городок в Саратовской области. Странно. То ли трудовое воспитание-перевоспитание, то ли недоверие. Анна осталась в Москве, а Макс научился управлять трактором, а для хобби и поддержания профессиональной формы открыл для местных и школу радистов-любителей. Его отметили грамотой, портрет ударника труда – немца повесили на Доске почета.

Тут в Центр и пришла телеграмма из Токио, где уже работал резидент Рамзай. Зорге признавался, есть тому и документальные подтверждения, что был готов остаться в Китае хоть на всю жизнь, так ему в огромной стране нравилось. Но политическая обстановка изменилась. Глобальные угрозы исходили уже из Японии, куда и должен был отправиться резидент. Еще в Шанхае он увлекся изучением японской культуры, политики, да всего, что имело хоть малейшее отношение к загадочной державе, в которой любой разведке в ту пору работать было чрезвычайно сложно, однако необходимо.

Зорге просил прислать ему в Токио в качестве радиста только Клаузена, с которым он так слаженно работал в Шанхае. И резиденту Рамзаю (это оперативное имя придумал для Рихарда сам начальник военной разведки Берзин) не отказали. Судьба Макса снова дала крутой поворот. Одного из лучших радистов советской разведки, выше его ставили только Вильяма Фишера (будущего полковника Рудольфа Абеля), ждала большая работа. Интересно было бы узнать: пересекались ли в Шанхае, да и вообще в Китае, пути Макса Клаузена и другого мастера этой профессии – настоящего Рудольфа Иоганновича (Ивановича) Абеля, тоже работавшего в те годы в этой же части огромной страны? Правда, под крышей консульства. Последнее обстоятельство делает пересечение едва ли возможным, ибо легальная разведка старалась никак не соприкасаться с нелегальной, чтобы, не дай бог, не подвести, не поставить нелегалов под угрозу.

Содружество Зорге с Клаузеном переросло в дружбу и полное взаимопонимание, которое так помогло им через несколько лет в Японии, куда Макс Клаузен прибыл специально для работы с группой Рамзая. Анна присоединилась к мужу позднее, когда Макс сумел легализоваться в закрытой для иностранцев стране. Анну все принимали за немку. В немецком клубе она устраивала благотворительные вечера и организовывала всяческие праздники, а

дома помогала мужу. Когда тот работал на рации, выходила гулять с собакой. Появлялся рядом кто-то посторонний, и Анна возвращалась домой, предупреждая мужа.

Иногда Анне Клаузен приходилось уезжать в опасные командировки. Везла неведомые ей документы, отснятые на пленках, в Шанхай. Держалась естественно, уверенно и ни разу не вызвала подозрений у таможенников и пограничников.

Да и свой основной источник – японского журналиста Ходзуми Одзаки – Зорге приобрел еще в 1930 году в Китае, где Одзаки с июня 1928 года трудился в Шанхае собственным корреспондентом «Осака Асахи». Случайность? Ничего подобного. Разведчик моментально выделил молодого японца из множества аккредитованных в Китае коллег. Тот не отличался задиристостью, не предсказывал, как некоторые его соотечественники, что Япония вместе с Германией станет владычицей мира. Наоборот, осторожно намекал: милитаристские настроения, ставка на экспансию способны погубить Японию. Одзаки очень помог Зорге еще в самом начале их знакомства. Это о нем Зорге писал: «Он был моим первым и наиболее ценным помощником. Одзаки добывал самую полную и интересную информацию, которая когда-либо поступала ко мне из японских источников. Сразу же я близко подружился с ним».

Они поняли друг друга. И это понимание переросло в тесное сотрудничество между немцем и японцем во благо Страны Советов. Именно Одзаки предупредил Зорге: продажные китайские генералы договорились отдать Маньчжурию японцам. На это предупреждение в Москве среагировали мгновенно.

Забегая вперед заметим, что в Японии Зорге постарался побыстрее отыскать Одзаки. Это удалось сделать через связника – югославского журналиста Бранко Вукелича. Тот представлял в Токио несколько французских изданий и, заглянув весной 1934 года в редакцию «Осака Асахи», не вызвал никаких подозрений.

Одзаки искренне удивился, узнав, что Зорге в Токио. Вернувшись домой из Китая, он был уверен: его друг Рихард по-прежнему в Шанхае. Вскоре они встретились в тенистом парке маленького городка. Зорге не пришлось уговаривать Ходзуми. Их ждала совместная работа.

А в Шанхае, конечно, далеко не все складывалось так, как хотелось. Тут можно сетовать на то, что, отправляясь в Китай, Зорге не прошел практически никакой специальной подготовки. Разведчик учился на ходу.

Активно занимался вербовкой. Правда, совсем не уверен, подходит ли это слово для объяснений действий Зорге. Он скорее старался приобретать не агентов, а друзей, способных помочь ему и Советскому Союзу. Метод убеждения был наиболее предпочтителен для Рамзая. Возможно, именно отношения полного взаимопонимания и дружбы между резидентом и его помощниками так долго спасали от провала.

Ну, как, например, можно было подкупить американскую журналистку Агнес Смедли, автора всемирно знаменитых бестселлеров. Рамзай привлек ее идеями, которые та разделяла. И в ответ Смедли, обладавшая огромным количеством самых разнообразных связей, знакомила его с людьми, определявшими политику в важнейшем регионе Азии. И, внимание, именно Агнес свела Зорге с Одзаки. Но можно ли называть писательницу разведчицей? Возможно, хотя и с натяжкой. А вот другом Зорге – точно. Смедли оказывала ряд услуг советской разведке и после окончания Второй мировой войны.

Другая сотрудница резидентуры Рамзая – Рут Кучински-Вернер вошла в историю разведки под псевдонимом «Соня». С ней Зорге тоже познакомился в Шанхае, где и началось ее многолетнее сотрудничество с советскими спецслужбами. В годы войны помогала знаменитому резиденту «Дора», он же – Шандор Радо, добывать и переправлять ценнейшую информацию из Швейцарии в Москву. В послевоенные годы занималась атомной разведкой. «Соня» мирно умерла уже в XXI веке в Лондоне, так и не раскрыв всех своих секретов.

Зорге фактически ни разу не дал повода для подозрений и благополучно уехал из Китая. Забегая далеко вперед напишу, что в обвинительном заключении Зорге, подготовленном япон-

ской политической полицией после его ареста в Токио, фигурировали лишь несколько человек, работавших с ним в Шанхае. Причем вина их не была никак доказана, никем и никогда не определена.

Под предпоследним 19-м номером в обвинительном заключении упоминается одной строкой «Пауль» – Римм Карл, в 1930 году заместитель и военный консультант Р. Зорге в Китае. Расшифруем то, о чем не знали японцы. Речь о кадровом сотруднике военной разведки, полковнике Карле Мартыновиче Римме. Эстонец по национальности, он был помощником Зорге. После отъезда Рихарда на родину для последующей командировки в Японию работал в Китае еще с несколькими резидентами. Вернувшись в СССР, возглавил отделение 2-го Восточного отдела военной разведки. Судьба, как и со многими разведчиками тех лет, обошлась с ним жестоко. В декабре 1937 года Карл Римм был расстрелян. Реабилитирован в 1957-м. А в 1965-м награжден орденом Красной Звезды «за образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом мужество, смелость и отвагу».

А последний 20-й номер в обвинительном заключении, где приводится полный состав группы Рамзая, – Агнес Смедли. О ее роли японцы могли только догадываться.

Все же они добрались до некоторых своих соотечественников, связь с которыми Зорге установил еще в Китае. Так, журналист Кавамура Иосио был арестован, как и многие члены группы «Рамзая», в 1941 году. Затем осужден и в 1942-м скончался, как пишется в «Трофейных японских документах, касающихся деятельности Рихарда Зорге и его группы», от последствий тюремного заключения.

Работа в Шанхае послужила отличной подготовкой для еще более тяжелого и результативного пребывания в Японии.

В 1930-х эта страна осуществила агрессию против Китая. Оккупировала часть его территории. Создалась серьезная угроза и советскому Дальнему Востоку. Зорге предвидел развитие событий в таком направлении, сообщая в Москву о все нараставшей угрозе со стороны японцев.

Еще в 1932 году в Китае Зорге сделал безошибочный прогноз о попытках США усилить свое влияние в мире и особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «В будущем США займут место Великобритании, как господствующая держава на Тихом океане», – радиовывел он в Центр из Шанхая. Вот уж действительно точнейший дар предвидения.

Был еще момент работы Рихарда Зорге в Шанхае, на который обращаю внимание. Он сумел постоянно получать отчеты немецких военных советников, оценивавших состояние противоборствовавших в Китае внутренних и иностранных вооруженных сил. Умение добыть и проанализировать такие отчеты немецкого руководства стало отличительной чертой его деятельности и в Токио.

С 15 февраля 1932 года и по октябрь 1941-го Рихард Зорге был резидентом советской военной разведки в Японии. И рядом с ним трудились преданные, проверенные помощники – журналисты Ходзуми Одзаки и Бранко Вукелич, радист Макс Клаузен с женой Анной.

Порой Зорге изображается человеком, выкованным из железа. Никаких личных забот, душевных переживаний. Как непохоже на правду. А больше всего он мечтал увидеть свою жену Катю. Да, в его жизни было немало женщин, но любовь всегда оставалась только одна. Понимал, что разлука с женой – навсегда. Но вопреки всему верил, что они еще встретятся. Писал ей: «Надеюсь, что наступит время, когда это станет возможно». Самообман? Самовнушение? Похоже. Но только так можно было заглушить тоску по любимой женщине.

Он грустил о матери. Скучал по сестре. Разойдясь во взглядах с братом Германом, задумывался и о его судьбе. Что будет, если в Японии его, Рихарда, арестуют? Зорге осознавал, что тогда родственники в Германии обречены. А вот жесткую травлю в СССР жены Кати, ее арест и трагическую гибель он при всей своей прозорливости вряд ли предвидел.

От себя с горечью добавлю, что испытания, выпавшие на долю Екатерины Максимовой, ни с чем не сравнимы. Величайшая несправедливость – погибнуть, по существу, быть замученной своими же. Не удалось отыскать ни единого свидетельства того, что Зорге каким-то образом узнал о трагедии Кати. Они так и ушли из этого жестокого мира, веря друг в друга.

Сама мысль о ждущей его любимой женщине придавала сил Зорге. А они ему были нужны. Именно в Японии Рамзай понял, что способен не только получать ценнейшую информацию, но и оказывать влияние на развитие некоторых важных политических событий.

Спас Москву и СССР

Говоря о Зорге, мы все теперь с неоспоримым единодушием отдаем должное двум великим подвигам, им совершенным. А вот о третьем, на мой взгляд, не менее важном, почему-то не вспоминаем. Давайте же попробуем разобраться в том, чего добился Рамзай в Японии.

Подвиг № 1. Назвал точную дату войны

Начнем с очевидного, проторенного и пройденного. Именно Зорге в радиосообщении, переданном радистом Максом Клаузенем, уведомил Центр о безукоризненно точной дате начала войны. Однако в Москве его информацию восприняли скептически.

А первая радиограмма о неизбежной войне с Германией пришла из Токио еще 18 ноября 1940 года. Зорге тогда удалось узнать от специального посланника Гитлера, заехавшего с инспекцией в Токио, что все приготовления к вторжению в Британию – фикция. Германия не собирается воевать на два фронта. Фюрер решил бросить основные силы на уничтожение России.

Прошло немногим больше месяца, и Зорге передает конкретное уточнение: «На германо-советской границе сосредоточено 80 немецких дивизий. Гитлер собирается оккупировать территорию Советского Союза по линии Харьков – Москва – Ленинград». А все дивизии, которые демонстрируют, всего лишь демонстрируют, намерения вторгнуться в Британию, не достигают даже полной численности. Часть солдат и техники уже переброшена на Восток.

Хотя Сталин постоянно читал донесения Зорге, разведчика он недолюбливал. То, что сообщал Рамзай, никак не вязалось с его собственными представлениями о возможном развитии событий. Иосиф Виссарионович был уверен, что заключивший Пакт о ненападении Гитлер не решится перечить ему, вождю народов Сталину и не нападет на СССР. Глубочайший стратегический просчет, вызванный самоуверенностью, явной недооценкой силы противника. Подумаешь, какой-то резидентиска раз за разом передает телеграммы, от которых трясет всю разведку. Что значили они по сравнению с его гениальными предначертаниями.

Но Зорге был абсолютно уверен в надежности своих источников информации. Среди них – посол Германии в Японии Ойгер Отт, военный и морской атташе посольства и постоянно наезжавшие из Берлина в Токио высокопоставленные гитлеровские эмиссары. Среди них и нанесший визит в Токио фельдмаршал фон Бок. Именно тот самый, что после нападения Германии на СССР командовал на Восточном фронте группой армий «Центр». За рюмкой он много чего нарасказал миляге-журналисту. Можно сказать, что сотрудники посольства Третьего Рейха в Токио как могли помогали советской разведке, сообщая все, что только могло заинтересовать Зорге.

Конечно, немцы, как требовали того законы разведки, постоянно блефовали: то подбрасывали через своих военных сведения о различных датах начала военных действий, то вообще отрицали любые намерения Гитлера напасть на СССР. Рихард учитывал это и всегда проверял достоверность информации через другие источники: в друзьях у него были англичане, китайцы, американцы...

Да, время шло, в процессе подготовки к вторжению планы Гитлера менялись. Зорге, не поддаваясь на дезинформацию, отсекая все подброшенное, неправдоподобное, следя из Японии за каждым сделанным в Рейхе шагом, держал Москву в курсе событий. Чтобы оценить добросовестность Зорге в оценке и проверке поступающей информации, достаточно проследить за последовательностью его действий.

Так, в марте 1941 года после душевной беседы с новым атташе ВМС Германии Зорге дает Москве знать: фашисты могут начать войну сразу же после победы над Англией.

Но уже 11 апреля – новый сигнал о том, что немецкий Генеральный штаб, не дожидаясь завершения английской кампании, закончил подготовку к нападению на СССР. И в этом же месяце – подтверждение, с описанием действий близких к Гитлеру генералов.

Вскоре Зорге навел посла Отта на мысль осведомиться у Риббентропа о стратегических планах Германии – в интересах проведения более решительной политической линии в переговорах с Японией. Ответ был конкретен – война с СССР начнется в мае.

Затем, когда обстановка около действительно туманного Альбиона изменилась, посол Отт в конфиденциальной беседе информировал верного помощника и фактически своего пресс-атташе, такова уже официальная степень доверия к Зорге, что «германские войска могут перейти советскую границу в конце этого месяца – мая». Впрочем, следует оговорка, которую обвиняющие Рамзая в дезинформации, сознательно опускают: в том же донесении подчеркивалось, что есть вероятность переноса срока нападения на будущий год. И эти «временные допуски», подчеркивает Зорге, исходят не от его посольского окружения, а от тех, кто вершит дела в столице Рейха.

Так, он передает в Москву, что план нападения на СССР генерала Маркса, всего лишь однофамильца великого Карла, отвергнут Гитлером после тщательного и всестороннего изучения. Зорге даже сообщает, что после этого решения в окружении фюрера шутили: «Маркс – и на Москву? Только этого нам не хватало».

Зорге знал обо всех фашистских планах, мало-мальски связанных с Россией. Это как раз и делает честь разведчику. Он постоянно в курсе меняющихся событий, отслеживает все нюансы чужих – вражеских – намерений.

19 мая 1941 года Зорге посылает тревожнейшую информацию о девяти армиях, сосредоточенных на польской границе. Данные получены в конфиденциальной беседе со специальным посланником из Берлина Нидермайером.

30 мая 1941 года еще одна радиограмма. В ней прямая ссылка на Отта, утверждавшего, что война с Советским Союзом начнется во второй декаде июня. И в те несколько дней между этим сроком и началом войны на Зорге из Москвы сыплются упреки в паникерстве. На одной из его радиограмм Сталиным начертана резолюция: «В перечень сомнительных и дезинформационных сообщений Рамзая». На другое предупреждение о скором начале войны в Токио приходит ответ из Москвы, в котором прямо указывается, что Центр считает возможность нападения Германии на СССР маловероятной.

Но Зорге не боится гнуть свое, то, в чем абсолютно уверен. Рихард не из конъюнктурщиков, убажывающих Сталина, боящихся ему перечить.

Ко многим информационным сообщениям Зорге дает и собственный комментарий, но какой: посол в стране оси Берлин – Рим – Токио уверен в точности своего прогноза на 95 процентов. При этом ссылается на Риббентропа, который заверяет Отта, что нападение на СССР – вопрос решенный. В разведке, да и не только, такая ссылка на высокопоставленный подытожник обозначает огромную вероятность основного сообщения.

Затем через день в подтверждение переданного приводится разговор с приятелем, военным атташе посольства Германии в Японии Шоллом: «Следует ожидать со стороны немцев фланговых и обходных маневров и стремления окружать и изолировать отдельные группы. Война начнется 22 июня 1941-го». Рамзай также приводит слова Шолла о том, что военные

действия могут развернуться и двумя днями позже. Сначала вторжение, а затем – объявление войны. Наступление будет вестись по всему фронту, главные направления – Москва и Ленинград.

Вносит свою важнейшую лепту в отправляемую в Москву информацию и помощник японского премьера Одзаки. Посол Японии в Германии был вызван к Гитлеру. Фюрер уведомил его: мы нападём на Россию 22 июня без объявления войны. Чтобы сообщить об этом Зорге как можно быстрее, осторожный советник принца Коноэ нарушает все правила конспирации. Всю ночь он простаивает около дома Зорге, ожидая Рихарда. Полиция не могла не заметить странного поведения высокопоставленного сановника Одзаки.

И Зорге понимает, что его группа на грани провала. Под любыми предложениями надо бежать из страны. Но разве можно подвести родину? Кто сообщит ей важнейшую информацию, если не его, Рамзая, люди?

И 15 июня 1941 года радист Макс Клаузен направляет в Москву ещё одно грозное предупреждение: «Повторяю: 9 армий совершат нападение на советскую границу 22 июня! Рамзай».

Порой радиogramмы настолько длинны, что Клаузен передает их частями. Это – огромный риск: все равно засечь радиопередатчик при столь длительной работе не составляло труда. Почти восемь лет регулярно посылал он радиogramмы в Центр. Потом Клаузен подсчитал – в среднем отправлялось по два сообщения в день. А накануне 22 июня 1941 года группа «Рамзая», не считаясь с угрозой быть запеленгованной, идет ва-банк.

20 июня Зорге, прямо указав источник – посол Германии Отт, даже позволил себе в радиogramме излишнюю эмоциональность: «Через два дня начнется война между СССР и Германией. Она неизбежна». Как правило, такие выводы Центр никогда не приветствовал. Долг разведчика добывать информацию и сообщать со ссылкой на источник. А выводы – за московским начальством.

Сразу после нападения Германии Рамзай передает в Москву: «Выражаем наши наилучшие пожелания на трудные времена. Мы все здесь будем упорно выполнять нашу работу».

В этих сообщениях – все абсолютно точно. Кроме одного. Резидент больше не имел права подписываться собственным многолетним оперативным псевдонимом Рамзай. Центр, крайне недовольный работой Зорге, в виде своеобразного наказания сменил полюбившееся Рихарду имя на безликое «Инсон». Ведь не зря Сталин продемонстрировал недоверие Зорге и его группе в присутствии начальника Разведуправления Красной армии генерала Голикова, решившегося потревожить спокойствие вождя и наших границ щемящим душу докладом.

После упреков Сталина все сошки рангом поменьше решительно заклеили Зорге если не предателем, то двойным агентом. Еще до этого финансирование токийской резидентуры сократили до минимума, чуть ли не в два раза. После этого все члены группы жили в основном на деньги Рихарда, зарабатываемые журналистикой, и его радиста Клаузена – удачливого коммерсанта. Зорге и не думал жаловаться на трудности. В Центр полетела радиogramма от группы «Рамзая» с просьбой переводить значительную часть их зарплаты в Фонд борьбы с фашизмом.

По некоторым сведениям, содержание группы «Рамзая» обошлось Центру в смехотворные для такого размаха деятельности 40 тысяч долларов. Абсолютное ничто по сравнению с переданной бесценной информацией.

Радиogramмы Зорге в отличие от многих других разведывательных донесений не канули в вечность, не были уничтожены, сожжены. Они аккуратно хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории. На некоторых из них – резолюции Сталина, подлинность которых почему-то оспаривают его последователи и сторонники. Но они, сделанные синим карандашом, есть, существуют, хотя действительно шокируют отталкивающей грубостью: «Не послать ли ваш источник к ... матери!»

Оценивая работы группы Зорге, можно смело сказать, что самыми точными, аргументированными, подтверждающими предыдущую информацию были именно донесения Рамзая из

Токио. В группе Рамзая было 35 человек. Среди них четверо приехавших в Японию иностранцев. Остальные – бизнесмены, государственные служащие, военные, ученые, журналисты. А работали на них втемную или по идеологическим убеждениям 160 источников. Самая важная птица, ни о чем и близко не подозревавший принц и премьер Коноэ.

Конечно, не только Разведупр предупреждал Сталина о войне. Нарком государственной безопасности Меркулов все же решил положить на стол Иосифу Виссарионовичу сведенные вместе сводки множества донесений закордонных разведчиков, в которых те криком кричали о скором нападении Гитлера. Уломала Меркулова совершить этот смелый, если не рискованный шаг разведчица Зоя Рыбкина, она же будущая детская писательница Воскресенская. Поняв, что нарком не решается ознакомить Сталина с донесениями, которым вождь не хотел верить, Зоя Ивановна использовала последний, убедивший Меркулова аргумент. А что будет, спросила она, если война все-таки начнется в третьей декаде июня? С кого спросят? Именно этот, слегка шкурный довод, а не только забота о судьбе родины, заставил наркома собраться с силами и решиться на поход к вождю.

Увы, и этот шаг оказался бесполезным. После доклада нового молодого начальника внешней разведки Фитина, в котором была названа точная дата нападения на СССР, полученная из разных надежных источников, в кабинете Сталина повисло гробовое молчание. На календаре 17 июня 1941 года, а лишь три дня назад ТАСС выпустил свое ныне знаменитое: «Германия так же неукоснительно соблюдает условия советско-германского договора о ненападении».

Строгим недовольным голосом Иосиф Виссарионович спросил: что это такое? Впоследствии Фитин так описывал последовавшее объяснение: «Не без большого внутреннего волнения я сказал, что материалы надежные, получены от надежных источников и что информация их, которую получали ранее, подтверждается».

Иосиф Виссарионович подошел к своему рабочему столу, закурил трубку, повернулся лицом к руководителям разведки: «Никому из немцев, кроме Вильгельма Пика (один из организаторов компартии Германии и будущий руководитель Германской Демократической Республики. – *Н. Д.*), верить нельзя. Но если вы считаете надежным – перепроверьте».

Начались перепроверки, отправление запросов о подтверждении. В одном из совсем закрытых музеев я видел несколько похожих сообщений, пришедших в те же дни из Финляндии, Италии, Польши: нападение – 22 июня. Одна дама-разведчица (вы прочитаете о ней в этой книге. – *Н. Д.*) приводила из сопредельной с нами страны детали и вскоре, увы, подтвердившиеся подробности первой фашистской атаки. Наш единственный агент в гестапо Вилли Леман – оперативный псевдоним Брайтенбах – сообщил о нападении за два дня и указал время до минуты – точнее некуда.

Вспомнил ли вождь о предупреждениях Зорге и других, когда в 3 часа 15 минут 22 июня Георгий Жуков позвонил ему на ближнюю дачу в Кунцево и сообщил: немцы бомбят советские города? Вряд ли. Рвать волосы было поздно. За первые несколько месяцев войны страна потеряла убитыми, ранеными и пленными около трех миллионов солдат и офицеров. Не призывников, а кадрового ядра армии.

Сталин искренне, и в это никак не хотят поверить исследователи, полагал, что если он уже назначил главным врагом СССР проклятого британца Уинстона Черчилля, то так и должно быть. Подвел культ собственной личности. Слишком привык вождь, что его слово – последнее, решающее. Болезненное самомнение не позволяло представить, что Гитлер, «усмиренный» лично им, Сталиным, посмеет наплевать на заключенный Пакт о ненападении. 9 мая 1941 года в Москве были закрыты дипломатические представительства всех стран, оккупированных к тому времени фашистами. В этом же месяце Сталин выступил на Политбюро: «Вам надо понять, что Германия никогда не пойдет одна воевать». И еще пригрозил: «Если вы будете на границе дразнить немцев и войска двигать без нашего разрешения – тогда головы полетят». Соратники, хорошо зная Иосифа Виссарионовича, не сомневались – точно полетят.

Какие сообщения разведки, которой вождь не доверял. Он терпеть не мог собственных дипломатов и торгпредов, живущих «там», а уж на разведчиков всегда смотрел с большим подозрением. Они же общались с иностранцами без всякого контроля. Потому Иосиф Виссарионович и позволил наркомам Ягоде, Ежову, а потом и Берии истребить больше половины закордонной разведки. И если бы Зорге, как предлагало его начальство в кровавые 1937–1938 годы, вернулся в СССР, ему, скорее всего, было бы суждено разделить трагические судьбы десятков коллег по профессии. Когда Зорге под благовидным, вполне объективным предлогом отклонил приказание приехать в Москву, и возник так называемый вопрос о доверии к Рамзаю. Горячие головы были готовы разобраться с этим в Москве: на месте им, ни черта не сведущим в разведке, будет виднее. Но Рихард не вернулся, тихо игнорируя приказы. Чем вызывал прямое отторжение. Примером отношения к нему Центра накануне войны может служить телеграмма за подписью «Директор» (читай военной разведки): «Дорогой Рамзай! Внимательно изучив присланные материалы за 1940-й год, считаю, что они не соответствуют поставленным задачам». Рамзая, тратящего из-за наложенных Центром финансовых ограничений, по существу, собственные деньги на обеспечение работы резидентуры, упрекают в том, что он слишком щедро расходует государственные средства на оплату японских и прочих иностранных источников, работающих на него в Токио. «Мудро» предлагают сократить расходы на агентов и платить только за важные сведения.

И лишь после катастрофы 22 июня 1941 года к Зорге начали вновь прислушиваться. В театре, который посещали в основном европейцы и где даже вездесущей наружке за всеми было не уследить, ему назначили встречу со связником советской военной разведки. Самое подходящее место, простите за подробность, мужской туалет. Тут Зорге и сообщили, что вся его группа будет отмечена высокими наградами, а урезанное было финансирование Рамзаю обязательно увеличат.

Зорге, пренебрегая высоким статусом связника, перебивает посланника Центра. Вся его группа – коммунисты, ни один не трудится ради денег и наград. Задаёт и вопрос, который, наверно, стоило оставить при себе. По крайней мере в Москве приехавшим после начала войны из-за кордона разведчикам задавать его начальству строго не рекомендовалось. Зорге спрашивает, почему игнорировали его предупреждения о начале войны. Наверняка же об этом сообщали и другие товарищи.

Успел Зорге высказаться и о роли Коминтерна: неужели хорошо обученные коммунисты-интернационалисты не говорили о неизбежности нападения Германии на СССР? Коминтерн – тема сложная. О роли коминтерновцев и сейчас предпочитают помалкивать, а уж в те годы... Благополучно вернувшийся из Токио в Москву связник проинформировал начальство о состоявшемся разговоре. В Центре поведение Рамзая вызвало недовольство.

И все же после 22 июня Сталин признал, что «Рамзай оказался прав. Ему нельзя не доверять – иначе возможны новые убийственные просчеты».

Подвиг № 2. Сообщил, что Япония не нападет на СССР

Началась война, и дурацкий псевдоним «Инсон» забыли, на связи – все тот же резидент Рамзай. И теперь уже Центр наседали на Зорге. От него требовали невозможного. Добыть точную информацию, вступит ли Япония в войну на стороне Гитлера или все-таки не решится. Ясно, что Апрельский пакт о нейтралитете, заключенный с Москвой, для японских генералов лишь бумажка. На карте – без всякого пафоса – судьба Москвы, к которой немцы подошли почти вплотную, и наверняка всей страны. Или человечества?

Но Зорге не мог знать того, чего не знал и сам японский премьер-министр принц Фумимаро Коноэ. И тут очень помог Одзаки. После приезда Рамзая в Токио его сотрудничество с журналистом стало еще более осознанным. Рихард постоянно общался с Ходзуми, их встречи стали регулярными. Зорге был откровенен со своим помощником, другом и агентом. Он вся-

чески стремился продвигать Одзаки. И тот оправдывал надежды. Сумел завязать знакомство с принцем Коноэ, возглавившим правительство.

Первая аудиенция состоялась по рекомендации двух университетских друзей Коноэ – его советников. Одзаки был представлен ими как знаток Дальневосточного региона. Но Коноэ не собирался опираться лишь на лестное мнение своих помощников. Он сам дотошно расспрашивал претендента, выяснял его политические взгляды. Получив чрезвычайно благожелательный отзыв журналиста о Советском Союзе, осведомился, не является ли тот другом СССР. Умница Одзаки не пошел на попятную, объяснил, что он – друг Японии и по-настоящему изучал северного соседа. А современные генералы живут мифами войны 1904–1905 годов. Россия уже не та, что была при разгроме Порт-Артура. И пообещал с цифрами в руках доказать, что СССР – сильная страна.

Своей уверенностью, основанной на глубоких знаниях «противника», журналист понравился Коноэ. Одзаки сделался советником премьера. Поначалу принц Коноэ далеко не всегда соглашался с выводами Одзаки. Но по мере того, как политические предсказания аналитика сбывались, приблизил его к себе. Рекомендации Ходзуми ценились, и порой Коноэ им точно следовал.

Война на севере виделась принцу рискованной операцией, которая в случае неудачи отбросит Японию на годы назад. Поэтому он считал, что в его окружении должны быть и уверенные в успехе генералы, и вот такие трезвые головы, как Одзаки, умеющие не только высказывать, но и отстаивать собственную, не совпадающую с другими, точку зрения.

Кстати, когда в июле 1938 года японцы начали военные действия в районе озера Хасан, это не стало сюрпризом для Красной армии. Одзаки успел предупредить о намерениях японских генералов Зорге. Приложил к этому руку и другой важнейший источник – художник Мияги Етоку, которому, чтобы придать себе значимость, намекали об этом позирующие ему для портретов японские генералы и их болтливые жены. Так что августовское поражение японцев было в определенной степени предопределено советской резидентурой в Токио. Как, впрочем, и год назад, в 1937-м, из сфотографированных Одзаки документов, «одожденных» для изучения из канцелярии нового премьера Коноэ, стало понятно, что Япония нападет на Китай.

На Хасане японцы были разбиты, а Халхин-Гол превратился для Токио в символ позора и огромных потерь.

И все равно в 1941 году японский генералитет рвался в бой. На принца давили немцы, забывшие, что хотя бы формально они все же считаются дипломатами. Зорге, ежедневно составлявший депеши в Берлин о переговорах посольства и немецкой военной миссии за подписью посла Германии Отта, только успевал поддакивать, когда тот обзывал японцев «трусливыми мерзавцами, не желавшими помогать союзникам».

Скромный с виду военный атташе Германии в Токио подполковник Кречмер носил, как выяснил Зорге, звание генерал-лейтенанта. Сравните с послом Оттом – «всего лишь» генерал-майором. И оба «дипломата» не просили, а требовали, чтобы Япония немедленно начала войну с Советским Союзом. Сейчас, десятилетия спустя, можно смело сказать, что война на два фронта была бы для СССР губительна.

А Центр, повторюсь, давил на Зорге. Его замучили радиogramмами с приказами, гневными депешами, порой хамоватыми, с требованием дать ответ на вопрос, нападут ли японцы, ставя перед резидентом вопрос категорически – да или нет?

Одзаки передавал, что кабинет премьера Коноэ в войну вступать пока не решается. Советник Одзаки докладывал принцу: «Война с русскими, если японцы ее начнут, станет недальновидным и ошибочным шагом, ибо империя не получит от нее существенных политических или экономических выгод. Великобритания и США будут только рады, если Япония ввяжется в войну, и не упустят шанса нанести собственный сильнейший удар после того, как запасы нефти и стали Японии иссякнут в борьбе с русскими».

И Коноэ, как сообщала в Москву группа «Рамзая», пока выжидал. Это слово «пока» и бесило Москву. Зорге просил Центр подождать еще неделю, еще немного.

Итак, премьер Коноэ, ненавидя СССР не меньше своих генералов, тем не менее всячески затягивал решение. Помнил о тяжелом поражении, нанесенном Советами японской армии на Халхин-Голе, в результате которого кабинет министров премьера Хиранумы Киитиро вынужден был уйти в отставку. Коноэ понимал, что его армия к битве с русскими не готова. Ждал, когда немцы возьмут Москву. И даже отмерил конкретный срок: если Москва не падет и в августе, Япония в войну не вступит. Однако опять-таки «пока».

Зорге объяснял Центру одну из причин нерешительности Коноэ: у Японии нет ресурсов – ни людских, ни топливных или, как сказали бы сегодня, энергетических. Но устоит ли азиатская логика в неравном споре с восточной же самоуверенностью? Этого не мог предсказать и Зорге.

Еще 24 июня 1941 года группа «Рамзая» добыла совместный проект армии и флота – «Программу политики империи в соответствии с изменением обстановки». Был в ней и очень тревожный пункт № 3: «Если развитие германо-советской войны будет проходить особо выгодно для империи, применить оружие и, разрешив этим северную проблему, обеспечить стабилизацию северных территорий». В первые недели войны японские генералы считали, что «учитывая темп продвижения германской армии, военный разгром СССР последует примерно в течение двух месяцев».

Одзаки питал принца информацией, которую готовил для него Зорге. Коноэ уже к концу лета 1941-го получал относительно реальные сводки с фронтов Великой Отечественной в нужной для СССР трактовке. Премьер был подготовлен для понимания важнейшего для себя итога первых месяцев войны: никакого блицкрига у немцев не получилось.

Редкая удача для разведки подобраться столь близко к руководителю государства. Ведь к осени 1941 года Одзаки набрал такой политический вес, что Коноэ назначил его своим личным секретарем. Но сколько лет потребовалось проработать вместе Одзаки и Зорге, прежде чем был достигнут этот успех.

И Коноэ выдержал, не разорвал подписанный с нашей страной 13 апреля 1941-го пакт о нейтралитете. Подчеркнем, натиск японской военной верхушки и фашистской дипломатии удалось во многом сдержать и благодаря дуэту Зорге – Одзаки.

2 июля 1941-го Рихарду стало известно, что японское правительство приняло решение отложить – пока – нападение на СССР. Весть тотчас полетела в Москву. И вернулась срочной радиোগраммой из Центра: что предпримет Япония дальше?

30 июля Зорге наконец-то решительно сообщил: Япония в войну с Советским Союзом не вступит, принято решение сохранять строгий нейтралитет, в конфликт в Европе не вмешиваться. В нескончаемом споре между японскими сухопутными и морскими силами верх взяли военные моряки, предложившие осторожно начать боевые действия в Юго-Восточной Азии и на тихоокеанских островах. Сухопутные вооруженные силы рвались в бой, мечтая быстро отличиться, что не нравилось более консервативным и гораздо выше в военной иерархии стоявшим морякам. Эти точные сведения добыл уже другой сподвижник Рамзая – художник Мияги.

6 сентября Зорге порадовал Центр известием: в текущем году войны с Японией не будет. Японцы собираются начать боевые действия на юге, а не на советском Дальнем Востоке.

В радиোগрамме, переданной в Москву 14 сентября 1941 года, Рамзай утверждал, что «японское правительство решило не выступать против СССР. Однако вооруженные силы будут оставлены в Маньчжурии. Военные действия могут быть начаты весной будущего года, если состоится поражение СССР».

И сразу же после получения этой стратегической информации под Москву, где шли жесточайшие бои, с Дальнего Востока были переброшены четыре наши отлично подготовленные дивизии, за ними кадровые артиллерийские полки, бригады танков. Готовились к схватке с

Квантунской армией, а их исключительно быстро доставили с дальневосточных границ в Подмосковье. Они и спасли.

Подвиг № 3. Разведчик перевернул ход войны

Но было и еще нечто, о чем почему-то пишется мало, а если и упоминается, то вскользь, как-то неуверенно. А ведь уроженец Баку Рихард Зорге сумел перевернуть весь ход Второй мировой: запустил ее уже в дни войны по нужному для Советов руслу, изменив направление одного из главных ударов потенциального противника – Японии.

Конечно, принц Коноэ и предполагать не мог, что определенный вклад в решение не нападать в 1941-м на русских внес ... он сам. Точнее, его советник Ходзуми Одзаки, действовавший вместе с и вовсе не ведомым принцу советским разведчиком Рамзаем. Ходзуми с помощью Зорге развил теорию, понравившуюся премьеру Коноэ. Если Гитлер возьмет Москву, то в скором будущем Сибирь и Дальний Восток все равно достанутся Японии – но уже без кровопролития. Вступление Японии в войну с СССР на руку американцам. Штаты выждут, пока имеющийся у Токио полугодовой запас нефти, необходимый для ведения серьезных военных операций против русских по всему необъятному фронту, иссякнет, и ударят по островам. А точный, по-настоящему объективный отчет имевшихся у Японии топливных ресурсов произвели те же Зорге с Одзаки. Рихард был даже рад вести эти подсчеты. Отвлекало от мрачных мыслей.

Идея победоносной войны Японии на Тихом океане оказалась более привлекательной для Токио. В главного противника японцев превратились Соединенные Штаты. «Подсказку» Зорге, переданную через Одзаки, принц Коноэ услышал. Эта информация пришла в Москву меньше чем через сутки после окончания важнейшего и окончательно принятого в императорском дворце решения: «Япония осуществит нападение на Америку и Англию. Опасность для Советского Союза миновала». Больше шифровок от Зорге Центр не получал. Эта, от 14 сентября 1941 года, стала последней.

Рихард уже сидел в тюрьме, а его идеи воплощались в жизнь, когда 7 декабря японцы неожиданно – для американцев и их провалившихся спецслужб – напали на Пёрл-Харбор. Теперь и у США не было выбора: только война с Японией и никакого отступления. Установка советского разведчика Зорге была выполнена.

Как хочется заявить, что такого в истории мировых разведок не наблюдалось. Однако похожий триумф повторился годы спустя, когда сотрудник внешней разведки ГДР капитан Гийом тоже выбился в секретари канцлера ФРГ Вилли Брандта и во многом небезуспешно старался управлять действиями шефа.

Что касается Зорге, то была и еще одна подготовленная им радиограмма. В связи с тем, что дальнейшая работа в Японии становилась бесполезной, Рамзай просил у руководства указаний. Возвращаться в Москву или выезжать в Германию? Передать ее в Центр Клаузен уже не успел. Группа была арестована.

За несколько дней до ареста Рихард серьезно заболел. Нервное истощение вместе с гриппом были изматывающими. Его и арестовали больным.

35 – столько обвиняемых привлекли японцы по «делу Зорге». Из них выделены 17, которых сочли непосредственно причастными к группе «Рамзая». Главными обвиняемыми признали пятерых – Рихарда Зорге, Ходзуми Одзаки, Бранко Вукелича, Етоку Мияги, Макса Клаузена.

Японцы после войны убеждали всех, будто документы «по делу Зорге» сгорели во время пожара в марте 1945-го, когда американские самолеты разбомбили здание Министерства юстиции. Это не соответствует действительности. Сохранились пусть не оригиналы, а копии допросов всех главных фигурантов дела, хотя и без их подписей. Зорге и Клаузена допрашивали на

немцем, Вукелича на английском, а Одзаки и Мияги, понятно, на японском. И все в большей, как Зорге и Мияги, или в несколько меньшей степени держались твердо.

В разведку женщин не пускать!

Зорге был из мужской плеяды, сохранявшей дистанцию со всеми. Даже проникая в сердца столь притягательных для него женщин, он держал их на определенном отдалении от своих истинных дел, довольствуясь радостью физической, а не духовной близости. Профессия обязывала.

И здесь, по ходу, опровергну еще один миф. Рассказывали мне о сыне, а чаще о дочери Зорге, чуть не до начала нашего XXI века трогательно ухаживавшей за его могилой в Токио. Увы, детей Зорге, как и многие лично знакомые мне разведчики, особенно нелегалы, не оставил. А дочку, думаю, путают с верной подругой Рихарда по житию в Японии Исии Ханako, которую часто называли его гражданской женой. Нет, резидент в Японии не был женат ни на ней, ни на других дамах, которые дарили ему любовь. А миф о дочери Исии и Рихарда возник, полагаю, потому, что японская спутница прожила до 89 лет и за могилой следила до самой своей смерти в 2000 году. Может, ее стройную, неплохо для своих лет сохранившуюся и принимали за заботливую дочку.

С Исии Зорге познакомился в октябре 1935 года. Она работала официанткой в немецком ресторане, который был известен всей жившей в Токио германской колонии. Японцев, обслуживавших господ немцев, было принято называть понятными для европейских посетителей именами. Исии звалась Агнессой.

Не хочу выкидывать слов из песни. Возможно, повторяю, лишь возможно, в пору, предшествовавшую знакомству с Рихардом, она занималась и другим ремеслом, убажывая клиентов.

В японских источниках утверждается, будто, как и всех местных, соприкасающихся с иностранцами, ее завербовала контрразведка. И время от времени Исии якобы сообщала сведения о чужих.

Но не о Зорге. Никаких доказательств, ни единого документа, подтверждающего это, нет и уже точно не будет. Зато есть все основания утверждать, что любовь подавила страх перед охранкой. Чувства оказались сильнее угроз контрразведки. Зорге превратился в единственного любимого.

А вот Рихард, по-своему ценя и любя маленькую японку, не отказывал себе в житейских радостях. В разных японских источниках указываются несхожие, но немалые цифры его любовниц. Точно известно, что, только-только приехав в Токио, он случайно встретил старую если не любовь, то глубокую привязанность. Хельга была замужем за офицером Оттом, которому и благодаря усилиям Зорге суждено было относительно скоро превратиться в сурового посла.

Интересно иное. В конце Первой мировой войны Хельга, как и Рихард, была не чужда смелых марксистских идей. В 1919-м они были вместе не только в постели, но и в революционном строю. Потом пути их разошлись. Об увлечениях молодости рослая, говорят, чуть не под 190 сантиметров, жена Отта забыла. Но отказываться от некогда любимого Рихарда, попавшего, как и она, в Японию, не собиралась. Да и не в ее интересах было вспоминать, а уж тем более рассказывать другим соотечественникам, когда и на каких революционных баррикадах свела их судьба. Да, просто были знакомы. И в Токио отношения возобновились, продолжались годами. Муж догадывался, однако молчал.

Вопрос в ином. Понимала ли жена посла, с кем имеет дело? Скорее всего – да. Больше того: может, в чем-то, по мере сил и возможностей помогала. Ей было не до коммунизма. Но и в ярую фашистку она за эти годы не превратилась. Была к Рихарду не любовь, а привязанность,

уважение. Наверняка быстро уразумела, что такие, как Зорге, в отличие от нее, собственным убеждениям никогда не изменяют.

Японцы «засекли» еще двух спутниц Зорге из немецкого посольства. Одна трудилась то ли машинисткой, то ли секретаршей. И по роду деятельности могла быть полезной разведчику.

Не буду представлять Зорге эдаким Казановой. Но жизнь молодого здорового мужчины складывалась так, как и должна была сложиться. Он был официально женат на безответной русской женщине Кате Максимовой. Брак заключен, действительно трудно поверить в такую вот хронологию, в Москве уже после его отъезда в Японию. И закончился трагически. Ребенка, которого Зорге наказывал жене обязательно назвать тоже Катей, Максимова так и не выносила.

Жена, закончившая театральное училище и подававшая надежды, бросила профессию. Считается, из-за несчастной любви к довольно известному актеру. И карьере, которая ждала ее в каком-нибудь театре или в студии, изменила круто. Может, привлекала производственная романтика? Или поверила в силу и высокое предназначение пролетариата, вкалывая аппаратчицей на московском заводе «Точ-измеритель»? Получала крошечные премии, в личном деле – благодарности за ударный труд. Поднималась шаг за шагом по цеховой служебной лестнице – и не выше. Не нищета, однако, ой как далеко и до на многие годы исчезнувшего Рихарда, и до несбыточной сытости. Она смирилась. Ждала. Писала и получала крайне редкие письма. Тревожно, беспокойно, мучительно пережила чистки 1930-х. Хорошо, хоть не тронули.

Уж кому она могла тихая и безответная помешать? Но добрались и до бедной Кати, трогательно годами ждавшей Зорге. После его ареста в Токио в 1941-м немного подождали до 1942-го. И у Екатерины Максимовой начались неприятности. Как пишет журналистка Надежда Столярчук, «в июне в ее трудовой книжке появилась запись: “Объявлен выговор с предупреждением за беспечность и срыв графика”. В ноябре – другая, куда более страшная: “Уволена по ст.47 КЗоТ РСФСР, пункт Д (совершение преступления, арест)”. И тут же суд, приговор: пять лет ссылки в Красноярский край...» А до этого вот-вот должны были назначить начальником цеха.

Выслали в далекую Сибирь. Поселили в барак, где содержались только политические. У Катиной сестры сохранилось два ее письма, где она писала о замучившем ее голоде и страшных морозах. Не выдержав непосильной работы, осужденная Максимова в мучениях скончалась в медицинском пункте поселка Большая Мурта 3 июля 1943 года, так и не узнав, что удалось свершить ее любимому мужу.

Пару раз читал, будто Максимова отравили. Нет, не верится. Но до смерти довели умело. Она работала с вредными химикатами без всякой защиты. Местные врачи честно пытались спасти ее жизнь. Но женщина была настолько истощена, а имевшиеся лекарства так примитивны, что Катя была обречена. Да и по признанию запомнившей Максимова медсестры, «жить ей не хотелось. Отмучилась...». Причиной смерти названо «кровоизлияние в мозг».

Упорные попытки разыскать могилу жены Героя, в том числе и настойчивых собственных корреспондентов «Российской газеты», ни к чему не привели. В отличие от могилы Зорге в Токио, эта, наша, стерта с земли. Но не из памяти.

13 месяцев с Рамзаем

О личности Зорге, о методах его работы ходит много домыслов. И чтобы внести ясность, я предоставляю слово старейшему чекисту России Борису Игнатьевичу Гудзю. Это именно он за два с половиной года до войны 13 месяцев руководил из Москвы группой человека, известного ему под оперативным псевдонимом Рамзай. Царство небесное Борису Игнатьевичу, которого я провожал в последний путь на 105-м году его длинной жизни.

– Борис Игнатьевич, а как вы оказались в военной разведке? Почему перешли туда из Иностранного отдела ОГПУ?

– Приехал из-за границы, как раз из Японии, где был резидентом легальной разведки в Токио, и многое мне в родном ИНО показалось странным. Все какие-то напряженные, глаза бегают, общая неуверенность. 1936 год – уже идут процессы, хотя чекистов пока еще массово не сажают или берут выборочно, редко. И приняли меня в ОГПУ после возвращения без интереса, с прохладцей. Как так? Человек вернулся после нескольких лет работы в Японии, по существу, прибыл с фронта. Я докладываю, а слушают меня в ОГПУ с пятого на десятое, невнимательно: «Да-да, это мы знаем... Вот мы даем вам путевку – поезжайте отдохните в Кисловодске, а потом, после, после мы будем с вами подробно разговаривать».

– Но тогда отдых в Кисловодске был вожделенной мечтой для многих.

– Только не для меня. Решил встретиться с Артузовым. Его, бывшего руководителя и одного из основателей ИНО, перевели, к всеобщему удивлению, в военную разведку. Чтобы как-то объяснить странное назначение, объявили, что для усиления. Сообщаю ему: хочу вас повидать. Он отвечает: давай, приезжай. Доложил, рассказал, как «слушали» меня в ИНО. И Артузов предложил перейти в Разведывательное управление РККА. Я согласился.

– Так вы и познакомились с Зорге?

– Я познакомился не с Зорге, а с его операцией. Мой 2-й Восточный отдел занимался запутанными дальневосточными делами, в том числе по Японии. Так что действительно 13 месяцев довольно плотно работал по линии «Рамзай». Этот разведчик больше известен у нас как Рихард Зорге. Меня ввели в операцию, и вместе с начальником отдела я продолжал эту линию. Читал донесения Зорге, отвечал на его письма, изучал вопросы, которые он нам присылал. Когда начальник 2-го отдела болел, а случалось это часто, я докладывал об операции начальнику управления, подписывал у него письма, подготовленные для отправки Зорге.

– Борис Игнатьевич, а почему все-таки работать с Зорге руководители военной разведки пригласили именно вас?

– Руководили военной разведкой Урицкий и Артузов. Артур Христианович Артузов и пригласил меня в январе 1923 года в разведку. Я пригодился ему на сей раз уже в 1936-м как живой человек, два с лишним года проработавший в Японии в качестве сотрудника внешней разведки. Ему было интересно получить человека с японским опытом. Он же там не бывал, как, впрочем, и начальник моего 2-го отдела. Чтобы руководить Зорге, требовалось конкретное знание обстановки. Это исключительно ценно для разведки. Как японская контрразведка ведет наблюдение? Каким образом можно оторваться от слежки, не раздражая наружки? Да и стоит ли отрываться? Я понимал, как и где встречаться с источниками. Вести их в ресторан или еще куда-то. В ту пору японская контрразведка работала тотально, следила за каждым иностранцем. Так что я помогал корректировать деятельность Зорге уже не столько логически, какими-то абстрактными соображениями, а практически, с учетом личного знания обстановки. Ситуация для меня совершенно ясная. Для моих начальников – не особенно. Вряд ли бывали они в Азии, да и в Европе, кроме, конечно, Германии, страны, где работать нам было так же невыносимо сложно, как в Японии. Помимо абсолютного контроля со стороны японцев еще и труднейший язык, и исключительно сложный, не всем европейцам понятный менталитет. А еще тяжелый климат, к которому русскому человеку сложно привыкнуть. И постоянное, действующее на нервы, ни на минуту не оставляющее в покое наружное наблюдение. А оторвешься от него, тоже выход слабый. В следующий раз тебя так возьмут в оборот, что мало не покажется: никаких церемоний, сплошная жесткость, иногда переходящая в непредсказуемую откровенную грубость.

– Рассказывают, что так работала при шахе Ирана Реза Пехлеви его секретная служба САВАК.

– Я тоже слышал. Но предвоенное время было еще более суровым. После Второй мировой войны САВАК хотя бы как-то щадил иностранцев, отыгрываясь на своих, на персах. А в Японии деления на своих или пришлых не было. Моим непосредственным руководителем в

Москве был кадровый офицер, полковник, который до этого два-три года стажировался в Японии. Даже написал подробную, очень полезную для армейских специалистов книгу о японской армии. Она у меня до сих пор хранится с его дарственной надписью. Окончил Военную академию, а его – в разведку.

– Хотел попробовать силы на новом поприще?

– Не имел никакого желания. Тогда было принято нажимать, оказывать административное давление, выдвигать в разведку партийцев, военных. Выпускника академии вызвали и сообщили: будете начальником, займетесь разведывательной деятельностью. У нас с ним сложились хорошие отношения, и полковник мне иногда жаловался: был командиром полка, руководителем большого военного хозяйства, а меня – к вам, в разведку, и еще заставляют заниматься агентурной работой. Не был он ни разведчиком, ни контрразведчиком: «На кой черт нам это нужно? У нас по японской армии все есть, мы все о ней знаем». Я его убеждал, что и они, японцы, совсем не дураки, они к нам лезят, а мы – к ним. И результаты это нам приносит хорошие, иногда открываются такие сюжеты. А он: «Борис Игнатьевич, зачем я буду этим заниматься? Будет у нас какой-то агент, не будет. Все это мышиная возня».

И как раз в это время начинается история с Рамзаем. Военный разведчик Зорге действует в Японии. Потому специально пригласили меня на это дело, чтобы учитывал все нюансы.

– И вы лично посылали Зорге какие-то свои указания?

– Письма имели право подписывать только Урицкий и Артузов. Я же готовил послание от имени руководителей разведки. Они могли его принять или нет. Мы со специалистами 2-го отдела обдумывали и взвешивали все детали. Изучали тщательнейше каждый шаг Зорге – ведь мы руководили операцией. Потом шли к Артузову с изложенными в письме предложениями. Он решал: «Это указать обязательно. Это – не надо. Подготовить и изложить такую-то мысль. Потом – отредактировать».

– И Зорге выполнял все указания из Москвы?

– Конечно. Слушал нас внимательно.

– Как вы оцениваете деятельность Зорге? Ведь он передавал столько ценнейшей информации. И сегодня иногда даже не верится, что вся она могла быть собрана одной группой.

– Это был человек высочайшего класса. Очень умный, развитой, исключительно талантливый, с незаурядными способностями. По уровню и сравнить его не с кем. Зорге для меня был и политическим деятелем, который пришел в разведку. Плюс ко всему Рихард – блестящий журналист. А корреспондент, по-моему, тоже своеобразный разведчик.

– Ну-ка, ну-ка, Борис Игнатьевич, поведайте, что вы думаете о журналистской профессии?

– Профессия, несомненно, в чем-то близкая, несколько похожая на нашу. Вот идут двое: корреспондент и разведчик. Они выходят из одной точки и стремятся поначалу приблизительно к одинаковой цели: им нужна информация. А потом их пути расходятся. Журналисту вполне достаточно добытых сведений для написания статьи. Разведчик же продолжает движение по иному пути. Ему нужна секретная и актуальная информация – и постоянно новая. Значит, требуется агентура, а для этого – вербовка. А когда корреспондент идет по этому второму, более длинному и сложному пути, он, как Зорге, превращается в разведчика. Процесс очень своеобразный. И если человек, даже талантливейший, уровня Рамзая, на этапе перехода от журналистики к разведке минует школу, в которой он должен усвоить законы контрразведки, то у него могут случаться некоторые заскоки, потери.

– Вот к чему привел наш разговор о журналистах. Неужели у великого Зорге были заскоки и возникали проблемы?

– Иногда случалось. Это была наша с ним болезнь. Ведь до нас он не был кадровым разведчиком. Начинал работать, не пройдя школу контрразведки. Разведчик должен всегда сознавать, что находится в опасности, над ним давит угроза со стороны контрразведывательной

организации. Одно дело изучить это абстрактно, на чекистских наших курсах. Другое – пережить на себе. Зорге был с этим не знаком. И мы старались как-то обогатить Рамзая нашими необходимыми ему знаниями.

– В чем же конкретно эти, как вы их называете, заскоки проявлялись?

– Он, к примеру, гонял по Токио только на мотоцикле, купленном у Макса Клаузена, для которого продажа немецкой техники служила и отличным прикрытием, и источником дохода. Когда Макс, как и в Китае, только начинал в Токио свое дело, его первым покупателем стал Зорге. А за этим популярным в иностранной колонии человеком потянулись и другие иностранцы, не только немцы. Но в Токио в 1930-х годах движение было интенсивнейшее. Можете себе представить, чтобы серьезный резидент с мощнейшей агентурной сетью – и на мотоцикле?! Я сам – старый мотоциклист и знаю, что ни в коем случае этого делать нельзя. На машине – совсем другое дело, тем более если руль держишь уверенно. И вот Рамзай попадает в аварию.

– В одной из многочисленных книг о Зорге я вычитал, будто в тот самый раз он был здорово навеселе.

– Зорге – без сознания, с ним – секретные материалы. Да он тогда чуть не загремел в полицию с этими документами.

– И еще я читал, что Зорге ухитрился каким-то невероятным образом вызвать помощника, неимоверным усилием воли оставаясь в сознании с проломленным черепом, сломанной челюстью и, только передав документы вызванному им Макс Клаузену, тут же вырубился.

– Подтверждено достоверно. Но был он в таком состоянии, что секретные документы, он как раз и ездил за ними к Одзак, сам передать был уже не в силах. Только глазами показал Макс на карман, и тот, отлично его понимавший, ухитрился незаметно добраться до бумаг и их забрать. Клаузен был чрезвычайно удачлив. Мы, естественно, мотоцикл после этого строжайше запретили.

Или передает Рамзай в Москву по радио длиннющие телеграммы. Они больше характера журналистского, а не разведывательного. Конечно, интереснейшие, их бы в газету, а лучше даже по размеру в журнал. Но мы же имели здесь все японские газеты, в Москве у нас японисты сидели. Всю токийскую печать анализировали и все прекрасно понимали. Опасно было столько передавать: Зорге же знал, что в Токио есть пеленгаторы, последнее слово радиотехники, которые стараются уловить переговоры в эфире. А надо было перемещаться с этой его радиостанцией. В Японии, особенно в Токио, это очень сложно. И на машине тоже. Кругом японцы, европейское лицо сразу заметно. Может, на лодке? Но тут возникают осложнения.

А возьмите наружку. Как от нее отрываться и надо ли отрываться вообще? У меня здесь большой опыт, на себе испытал, как они ведут наблюдение. Тут Зорге нам сообщает: я с ними, с этими ребятами из наружки, дружу. И вроде они настолько сошлись друг с другом, что им можно и деньги дать, то бишь, взятку, чтобы слишком уж не надоедали. Но эта игра – рискованная. Опасно! К счастью, и здесь пронесло.

Спасибо Борису Игнатьевичу. Но о тотальной слежке позволю себе сказать особо. Наружка в Японии отличается от любых аналогичных служб других стран. В Токио ей дозволялось практически всё. Контрразведка ходила за Зорге, как и за другими иностранцами, по пятам. Не помогало и немецкое подданство, искренне в ту пору почитаемое японцами. Документы не для того, чтобы понять, кто перед ними, это и так было ясно, а для устрашения могли проверить и проверяли на каждом шагу. Мелочь, однако, неприятная, выбивающая из колеи, рабочего настроения. В квартиру входили не только в отсутствие подопечного. Врывались, задавали любые вопросы, имели полномочия – на всякий случай обыскивали. Буквально цеплялись железной хваткой за опекаемого. Никакой тайны из того, что они совсем рядом, что дышат в спину, не делали. Иногда точно так же работают американцы. Но японцы превосходили их по наглости и бесцеремонности. поголовно всех людей, по роду деятельности общав-

шихся с иностранцами, превращали в осведомителей, стукачей. Если видели, что те с доносами не спешат, лишали работы. А горничные, сторожа, переводчики, шоферы и прочие садовники за должность держались крепко. Хочешь не хочешь, приходилось доносить. Эта система была тотальной.

В ней и приходилось действовать Зорге. Испытал ее на собственной шкуре и работавший в Токио Гудзь. Но задачи и положение двух разведчиков, один из которых работал под дипломатической крышей, а второй фактически нелегально, были несопоставимы.

И поэтому Рамзаю приходилось применять методы нетрадиционные. Наблюдая за сотрудниками наружки, выделял из них на контакт идущих. Обладая огромной харизмой, превращал более доброжелательных в своеобразных знакомых. Случалось, перекупал их, подсовывая небольшие подарки, и если своими словами, то и взятки.

Разведчиков, в том числе и легальных, учат: если тебя прочно опекает наружка, ни в коем случае нельзя без крайней на то необходимости от нее отрываться, обманывать, ставить в тупик. Тогда и шпики становятся безжалостными. Кто же любит, когда к тебе относятся неуважительно и вопреки принятым негласным правилам дурят?

Зорге писал в Центр: «Я особенно не боюсь больше постоянного и разнообразного наблюдения и надзора за мной. Полагаю, что знаю каждого в отдельности шпики и применяющиеся ими методы. Думаю, что я их всех уже стал водить за нос».

И Рамзай всячески, годами смягчал отношения с филерами, не позволял им превратиться в жесткое противостояние. Да, это идет против всех разведывательных канонов. А могли Рамзай действовать в Японии традиционно?

Он был под наблюдением, от которого постоянно уходил. Но наружка совсем не дремала. И тут Зорге ставил ее порой в тупик. Так, она пунктуально насчитала: с 6 сентября 1933 года – даты прибытия Рихарда в Токио и до дня ареста у него были 52 женщины. С ними он вступал в связь как постоянную, так и мимолетную. Среди этих пяти десятков наиболее устойчивые, многолетние отношения сложились с женой посла Отта и японкой Исии Ханако. Посол об этом точно знал и равнодушно смотрел на измены супруги, да и не подобраться было японской контрразведке к высокопоставленному германскому дипломату, никакой шантаж тут не проходил.

А вот Ханако всячески страшали. Врывались в ее дом, обыскивали, требовали сообщить все, что она знает о немце. Но искренне любящая Зорге женщина стойчески молчала. Наглости арестовать ее, делящую постель с сотрудником посольства Германии, у японцев не хватало. Совместное проживание продолжалось фактически и физически до самого ареста Рихарда. Попытки засадить Исии в тюрьму не удалось. Она, вероятно, знала о двойной жизни любимого, но не была ни его агентом, ни даже помощницей разведчика. Зорге никогда не смешивал постель и работу.

Коммунисты всегда под колпаком

В те годы запрет для разведки был введен строжайший: с агентами-коммунистами работать нельзя. Они всегда и везде под наблюдением спецслужб. И нарушение, пусть невольное, этого правила, как считается, погубило Зорге.

Этой точки зрения придерживался и Борис Игнатьевич Гудзь. Вот как он оценивает арест разведчика в 1941 году:

– В отношении Зорге была допущена очень крупная ошибка. Это мое личное мнение. Оно оспаривается многими исследователями, авторами толковых книг о Рихарде Зорге. Он держал связь с реэмигрантом Етоку Мияги, членом американской компартии. Но как же можно работать с коммунистами? Они ведь везде за рубежом находились под наблюдением. Например, если вы работаете в Германии, то никакой связи с членами немецкой компартии.

Художник Мияги выехал из Японии в США, где наши его завербовали. На побережье в Сан-Франциско, он там жил до конца 1932 года, образовалась чуть ли не миллионная колония японцев. Но начальнику военной разведки Яну Карловичу Берзину пришла мысль использовать Мияги в Японии. Он изымает художника-коммуниста из нормального японского окружения в Штатах и осенью 1933-го посылает в Японию на связь с Зорге, которому подсказали: нужно встретиться с таким-то человеком, он уже находится в Японии, используйте его. Рихард так и поступил. Не раскусил, что нельзя столь явно и столь часто общаться с коммунистом.

Напомню, дело Рамзая было раскрыто в Японии не военной контрразведкой, а их политической охранкой. Эта служба, работавшая по коммунистам, и вышла на Мияги через другого коммуниста, тоже раньше жившего в США.

А художник вошел в Токио в моду, рисовал портреты высших руководителей, большей частью военных, их жен, был вхож во многие модные салоны. Так что не только Одзаки, но и Мияги обладал важнейшей информацией. Также очень полезная, но и опасная связь. Такие люди – всегда под наблюдением охраны. Надо это понимать.

– Но в чем здесь просчет Зорге? Мияги-то ему прислали по приказу из Москвы. И как же Зорге мог ослушаться?

– Так и мог: решить на месте – рискованно, нецелесообразно. Меня, работавшего во 2-м отделе Разведупра, смущало и другое. В 1919 году Зорге вступил в компартию Германии, возглавлял коммунистическую газету, был партийным функционером и другом Эрнста Тельмана. Это ему была поручена охрана советской делегации во главе с Куусиненом, прибывшей на съезд КППГ. Через пять лет, в 1924-м прибыл в Москву, вступил в компартию. И даже написал три публицистические книги, понятно какого направления, под собственной фамилией. И немецкая контрразведка могла это обнаружить.

– Но как получилось, что не обнаружила? Как вышло, что весной 1933 года в Берлине перед поездкой в Японию в качестве корреспондента Зорге удачно прошел все собеседования и получил на то разрешение от партийных нацистских бонз?

– Проглядели его, потому что прошло немало времени между приходом Гитлера и той его партийной работой. Изменилась власть, и, быть может, нацисты не сразу взялись за старые архивы. Коммунистов они уничтожали безжалостно. Опасность оставалась всегда и нами учитывалась. На всякий случай для Зорге была заготовлена версия: он скрывал юношеское увлечение левым движением, теперь, повзрослев, полностью разделяет идеологию национал-социализма. Мы разрешили ему вступить в фашистскую партию. Но переживали, тревожились – вдруг коммунистическое прошлое всплывет. Не всплыло. И Берлин по представлению уполномоченного гестапо в Токио даже предложил Зорге стать руководителем отделения нацистской партии в Японии. Рамзай благоразумно отказался. Это могло вовлечь его в чисто внутренние конфликты и дразги, мало что дав взамен. Да и более тщательную проверку личного дела могло спровоцировать.

Дополню Бориса Гудзя и рассмотрю все версии провала группы «Рамзая». По первым двум все началось с ареста художника Етоку Мияги. По одной из них, японская политическая полиция якобы вышла на «другого коммуниста», который затем совершенно случайно вывел ее на Мияги. Бдительные жильцы пожаловались на соседа, будто бы тот болтает лишнее. И болтуна, чтобы пострадать, вызвали в полицию.

Разговор с инспектором не предвещал больших открытий – обычная бытовая ссора. И вдруг разволновавшийся посетитель начал давать показания. Изобличал некого художника Мияги как предателя, врага нации. Даже подозрительные полицейские не поверили в буквальном смысле слова наделавшему в штаны от страха трусу.

Однако за художником теперь присматривали, мало ли что. И очень быстро выяснилось, что Мияги – действительно коммунист, да еще сующий нос куда не надо и к тому же общающийся с иностранцами. «Топтуны» установили: этот художник постоянно встречается с корре-

спондентом уважаемых немецких газет Рихардом Зорге. Что может быть общего между коммунистом и нацистом, не вылезавшим из немецкого посольства?

И охранка, вышедшая на Зорге по коммунистической связи, простите за специфическую терминологию, передала Мияги контрразведке.

Итак, мы рассмотрели две версии ареста художника. И линия Мияги остается в деле Зорге наиболее уязвимой, если даже отбросить его принадлежность к компартии и предательство соседа-стукача.

Но вот и третья версия, в которую, судя по токийским изданиям, верят сами японцы, а натолкнули их на это американцы. Группу Зорге якобы выдал один из руководителей японской компартии Рицу Ито. Формальных доказательств нет. Есть лишь ссылка на протокол допроса Ито, который действительно был знаком с Мияги. Допрос вели «умело», и Ито не выдержал, назвав участников шпионской группы, среди которых были одна из малозначащих помощниц Зорге и все тот же художник. Когда после войны Рицу Ито пытались допросить его товарищи по компартии, он сбежал в Китай. Но и там бывшие соратники его нашли. Они вроде бы даже просили уничтожить Ито, как предателя, но гуманные китайцы лишь засадили его за решетку на 27 лет. Ито, как ни странно, выжил, вернулся на родину в Японию, где, заклеянный врагом собственными соратниками, скончался в преклонном возрасте, так ни в чем и не признавшись.

Эпизод с Рицу Ито видится совместной японо-американской попыткой дискредитировать коммунистов, представлявших в конце 1940-х – начале 1950-х годов определенную силу и имевших немало сторонников. Если Ито действительно под пытками кого-то и выдал, то именно двух коммунистов, никак не подозревая о глубоко законспирированной группе «Рамзая».

Есть и четвертая версия, она выглядит достаточно правдоподобно. В начале 1940-х в Токио с подозрительностью смотрели на всё с клеймом «сделано в США». Полицейские составили список японских граждан, которые, проведя годы в Штатах, вернулись домой. В него попал и Мияги. Время от времени проводилась выборочная проверка каждого такого «американца». Настал черед Мияги. А дальше все, как и следовало ожидать. Без всяких предателей – коммунистов и стукачей – засекли его регулярные встречи с Одзаки. Они охранку насторожили. Когда поняли, что больной туберкулезом соотечественник встречается с югославским журналистом Вукеличем и немцем из пресс-службы германского посольства, поднялся переполох. На исходе второй недели слежки выяснилось, что после этих встреч доктор Зорге спешит в дом коммерсанта Клаузена. Тот самый, в котором, как свидетельствовал пленгатор, работала рация. Почерк радиста совпадал с тем, что действовал поблизости от жилищ Зорге и Вукелича. Сомнения почти отпали. Хотя и оставались спорные моменты, было решено взять Мияги и Одзаки, а затем – остальных.

И наконец, существует еще и пятая, классическая версия. Ее в мягкой форме озвучили в России только в 1995 году, ссылаясь на бывших непосредственных руководителей Зорге из военной разведки. По этой версии, на Рамзая вышли случайно. Его никто не выдавал и не предавал. Просто группа работала очень долго. И лишь цепь случайностей, а вовсе не допущенные ошибки или предательства, на девятом году активной деятельности привела Зорге к неизбежному концу.

Хочется в это верить. Уж очень славных, достойных людей собрал Рихард Зорге под красные знамена, которые сам считал коминтерновскими. А японцы признания Зорге в служении именно Коминтерну с удовольствием приняли. Война с набравшей в военные годы огромную мощь Красной армией в их планы не входила. И чтобы лишний раз не злить СССР, называли Зорге не советским шпионом, а именно коминтерновцем. Не забыли об этом напомнить даже при казни 7 ноября 1944-го.

Аресты начались с Мияги. Когда пришли за художником, он, все поняв и стремясь избежать неминуемых пыток, совершил харакири. И опять версии. Первая – с помощью самурай-

ского меча, с которым ему позировали натурщики. Версия вторая – воткнул в живот старинный нож.

Совершить харакири Мияги не сумел. Его мигом доставили в тюремную больницу и откачали. Он тут же ухитрился, обманув охрану, выброситься с третьего этажа. Но и на этот раз самоубийство не удалось. Не суждено было ему умереть относительно легкой смертью.

Наверно, после этого следователи поняли, что Мияги будет молчать, и все равно допрашивали его с невероятной жестокостью. Он ничего не сказал. Тюремщики прозвали художника «фанатиком». Мучили на допросах. Етоку терял сознание, его обливали водой, снова били. Говорил только в бреду. Звал умершего отца и жену.

Во время следствия Мияги сделал заявление. Вот часть его: «Понимая, что главная задача заключается в том, чтобы избежать войны между Японией и СССР, я принял решение вступить в организацию, как простой солдат. Я принял участие в ней, отдавая себе отчет, что в военное время буду приговорен к смерти». Мияги проявил себя стойким. Да, фанатичным, верным, преданным. Неизлечимо больной, страдающий от туберкулеза в последней его стадии, он скончался в тюрьме 2 августа 1943 года.

Если бы японцы знали, кто первым сообщил Советскому Союзу о подготовке их нападения на озеро Хасан, они бы обращались с Мияги поаккуратнее. Не дано им было докопаться до того, что сигнал тревоги, тотчас в СССР принятый, подал именно этот смертник.

Не вступая в бессмысленный спор с Гудзем, замечу: существует и другое объяснение возвращения Мияги из Соединенных Штатов в Японию. Американцы еще в 1932 году собирались арестовать художника-японца, казавшегося им подозрительным. И чтобы не потерять ценного агента с необычной профессией, Мияги решили вывести из Америки. Сам он был не прочь поехать в Москву. Больше-то некуда. Мияги даже обращается с просьбой отправить его в Советский Союз. Ему не отказали, сообщив лишь, что «такая возможность изучается».

Но в это время в Японию отправляется Рамзай, которому требуется поддержка. И с согласия художника Берзин перебрасывает того в Токио. Следует встреча с Зорге и с Вукеличем в музее. Говорящий по-английски Мияги выступает в качестве гида, знакомит Рамзая и его спутника с секретами современной японской живописи. Прикрытие надежное, объясняющее общение с иностранцами. К тому же Зорге убеждается, что его потенциальный помощник хладнокровен, умен и уже неплохо знаком с разведывательной работой. Где еще найдешь такого среди японцев? И он уговаривает Мияги стать его другом. Живописец сомневается. И все же не может отказать советскому резиденту. Его «да!» становится началом долгого и плодотворного для советской разведки сотрудничества. И началом конца группы «Рамзая» осенью 1941 года.

Никакой вины Зорге здесь нет. Конечно, понимал важную роль художника еще один помощник Зорге – югославский журналист Бранко Вукелич. С Мияги общался и Одзак, но знакомство двух японцев подозрений до поры до времени не вызывало.

Все документы, попадавшие в руки Рамзая после обработки, моментально уничтожались. Законы конспирации соблюдались. Что можно было еще предпринять, чтобы обезопасить группу «Рамзая»? К тому же Мияги с давних американских времен тяжело болел туберкулезом. Сомнительно, чтобы соотечественники заподозрили обреченного в работе на иностранную разведку. Полиция была осведомлена о его доходах от продажи собственных картин и чтения лекций о японской культуре на приличном английском.

Из США он привез три тысячи долларов – деньги по меркам 1941-го немалые. И Мияги об этих сбережениях иногда «пробалтывался». Уж не знаю, накопил ли их сам Мияги, или советская разведка заранее обеспечила агента этой суммой. Ее обладатель, человек свободной профессии, мог и не ходить каждый день на работу. Это устраивало не только его – главным образом Зорге.

Мияги всегда отличало немногословие. Супруга Одзаки не подозревала, чем занимается ее супруг. Профессионал Вукелич, разведясь с женой, по предложению или приказу Зорге

отправил ее на родину в далекую Австралию. Новая спутница жизни – японка – ждала ребеночка, не до разведки ей было. А русская жена Макса – Анна Клаузен работала на советскую разведку еще с шанхайских времен.

Так что выскажу свою точку зрения: Зорге сгубили время, уж очень долго держался он со своими людьми в Японии, плюс случайность, которой стал выход полиции на Мияги. Увы, случай и предательство всегда довлеют над жизнью любого, даже самого осторожного разведчика.

Приведу еще одну точку зрения, высказанную полковником разведки, писателем Анатолием Георгиевичем Смирновым в его книге ««Висбаден» всегда на связи», в которой профессионально разбирается деятельность Зорге. Книга вышла в 2012 году в издательском доме Дальневосточного федерального университета. Может, из-за гигантских нашенских расстояний не добралась в нужном количестве до Москвы и заслуженной известности недополучила. А зря. «Висбаден» – это Владивосток, в котором и принимали радиошифровки из Токио. И было их столько, особенно в начале Великой Отечественной войны, что японцы рацию запеленговали, установили радиста и его друзей. Смирнов уверен, что это и стало решающим фактором в разоблачении всей группы. Не берусь судить, так ли, и считать, что это утверждение из разряда неоспоримых.

Но вот парадокс: Зорге едва не расстался с жизнью еще в самом начале 1930-х. Тогда покушение на него собирались совершить ... немецкие коммунисты. Товарищи по партии не простили Рихарду «измены». Как мог он, твердый коммунист, сражавшийся на баррикадах, отсидевший в 1920-м в тюрьме, вдруг изменить марксистским убеждениям, записаться в арийцы и, главное, проделать путь от коммуниста до нациста. И приговор за это предательство был один – смерть.

Специальная служба компартии Германии уже начали охоту за «изменником». Откуда честным парням было знать, что их верный друг выполнял тяжелейшее задание Коминтерна, Москвы по внедрению в нацисты. Превозмогая отвращение, Рихард Зорге вживался в новый и для себя ненавистный образ. Удалось.

Партийный приговор отступнику был вынесен: ликвидировать, как предателя. По существовавшим правилам компартия Германии о своем решении уведомила Коминтерн: требовалось согласие находившихся в Москве товарищей. В Коминтерновском центре ужаснулись. Забили тревогу, приводить приговор в исполнение моментально и строжайше запретили.

Но и об этом Борис Игнатьевич Гудзь мне не раз, пусть коротко, без подробностей, однако рассказывал; вскоре пришла новая просьба дать санкцию на ликвидацию, затем еще одна. Понятно, все покушения были запрещены. Быть может, раз на четвертый соратники Зорге поняли, что здесь что-то не так. Но и этот запрет на ликвидацию представлял опасность для советского разведчика. А вдруг кто-то из не состоявшихся ликвидаторов будет захвачен фашистами и, не выдержав допросов в гестапо, станет предателем? Да просто проговорится. Так что Зорге вечно находился под дамокловым мечом.

На мой вопрос, знал ли Зорге, что на него ведут охоту свои, Борис Гудзь не ответил.

И еще один довольно тонкий момент, в котором наши с Борисом Игнатьевичем точки зрения на деятельность Зорге не совпадали. Начинал Рихард Зорге свою работу разведчика под крылом, говоря по-современному, внешней разведки. В этой службе требуются политическая аналитика, глубокое проникновение в стратегические планы противника, взвешивание его потенциальных возможностей. И как раз в этом Зорге был необычайно, по тем давним временам даже неправдоподобно, силен. В одной из трех упоминавшихся книг, написанных в его московский период, публицист Зорге предсказал приход к власти фашистов. Упреки в том, что я делаю из Зорге провидца, не принимаются. Он и был настоящим провидцем.

Почитайте (или хотя бы полистайте) сборник «Рихард Зорге. Статьи. Корреспонденции. Рецензии», опубликованный в 1971-м издательством Московского университета. В книге воспроизведены материалы Зорге из нескольких изданий. Какие же они разные, эти работы,

предназначавшиеся для журнала «Коммунистический интернационал» или, к примеру, для «Франкфуртен Цайтунг». Той самой, что приветствовала сожжение нацистами книг, «вредных» для нации, Рембрандта объявляла неарийцем, призывала никогда не исполнять музыку Бизе, Сен-Санса и Шопена. Но все, в том числе и вышедшие в фашистской Германии труды Зорге опубликованы, несмотря на то что автор никогда не писал их в стиле, предпочитаемом доктором Геббельсом. Зорге был не просто журналистом, репортером. Нет, теоретиком, аналитиком, смотрящим в будущее философом. Оценить значение его публицистики в далекое, тревожное время, когда вопрос стоял о выживании одной отдельно взятой страны, строящей социализм, было крайне сложно, нереально.

Думается, разведчик опередил свое время на десятилетия и десятилетия, отказавшись от необходимого, однако лишь сиюминутного, сугубо оперативного подхода. Он заглядывал в далекое будущее. Не предсказывал, но и не только информировал, а и анализировал события в развитии. И статьи Зорге, видевшиеся в военной разведке, куда его перевели, определенной если не блажью, то тратой его (и не только его) драгоценного времени, были предтечей, скорее образцом той информационно-аналитической работы, которой внешняя разведка впервые серьезно занялась в годы войны. Ведь совсем не зря весной 1943-го был создан Информационный отдел Первого управления Наркомата Комитета государственной безопасности – по существу именно аналитическая служба. Косвенно, пусть хотя бы косвенно, но как раз Рихарда Зорге можно считать одним из первых аналитиков внешней разведки. Хотя в последние годы он и трудился в разведке военной. Уверен, что обоим ведомствам будущий Герой Советского Союза приносил пользу величайшую.

Как много в судьбе разведчика зависит от удачи и счастливого для него стечения обстоятельств! Как часто прижимают его к земле нагромождения всевозможных случайностей и порой совершенно нелепых совпадений.

Был и в карьере Зорге момент, когда его провал казался неминуем. Такое может произойти с любым разведчиком-нелегалом, его нельзя избежать и предотвратить. Потому что нет от слепой случайности противоядия. В 1933 году в Берлине злой рок явился на прощальный перед отъездом в Токио ужин прессы в лице некого Густава Хильгера, приглашенного по совету одного из покровителей Зорге. Когда Рихард услышал фамилию будущего гостя, то в памяти промелькнули какие-то воспоминания, ассоциации – не больше. На вечере был даже Геббельс. И Хильгер – тоже. Всмотревшись в лицо будущего корреспондента в Токио, без предисловий осведомился, где мог раньше видеть доктора Зорге. И сам же ответил, что, кажется, месяца четыре назад в Большом театре в Москве. Да-да, на опере «Чио-Чио-сан», имеющей некоторое отношение к нынешней командировке журналиста. И даже припомнил, что тот был с очаровательной спутницей, блиставшей красотой.

Память не подвела Хильгера – многолетнего заместителя заведующего отделом торговой политики, советника по вопросам экономики посольства Германии в СССР. Зорге действительно пригласил Катю Максимову в Большой. Так они отметили вступление в брак. Никаких экстравагантностей в Большом театре Зорге не допускал. Уже тогда разведчикам не слишком рекомендовалось появляться в людных местах, где могли произойти какие-то непредвиденные встречи. Не под запретом, однако нежелательны были также известные рестораны, художественные галереи, театры, включая, конечно, Большой, в котором каждый живущий в Москве иностранец считал своим долгом побывать.

Замечу, этот предвоенный полузапрет действовал и в 1950–1970-е годы, когда, к примеру, наш разведчик Ким Филби, исчезнувший из Бейрута и тихо-тихо живший в Москве, лицом к лицу столкнулся в том же Большом со своим коллегой – британским журналистом, с которым работал, надо же, в Бейруте, откуда таинственно испарился. Британский журналист в своей статье упомянул о встрече с Филби, описав к тому же его спутницу. Для английской разведки это стало подтверждением: да, Филби там, где и должен был быть – в Москве.

Но та случайная встреча состоялась уже после бегства Кима, а Зорге находился в берлинском журналистском клубе в окружении людей с повязками со свастикой на рукавах черных мундиров. Но Рихард вывернулся. «Вспомнил», что они действительно совсем недавно виделись с Хильгером в редакции одной мюнхенской газеты. Привел и имя человека, который тогда присутствовал, – своего собственного брата, как и он, Рихард, доктора наук. Брат, конечно, подтвердил бы его слова.

Хильгеру было бы достаточно заглянуть в полицейский архив, чтобы на всякий случай проверить, что за журналист отправляется в Японию. Однако Зорге снова повезло. Любитель оперы из посольства Германии до архивов, это уж абсолютно точно и понятно, не добрался. А то бы операции под кодовым названием «Рамзай» не состояться.

И уж если встретился нам на страницах этой книги советник Хильгер, то припомним, рядом с кем трудился он в посольстве Германии в Москве. С Герхардом Кегелем. Прежде чем занять дипломатический пост, Кегель успел побывать подпольщиком, вступить в компартию Германии, наладить контакт с журналисткой Ильзе Штебе, которую гестапо впоследствии выследило и казнило, как советскую шпионку. А Кегель, немало для СССР сделавший, выжил и даже издал после войны переведенную и на русский книгу «В бурях нашего века. Записки разведчика-антифашиста». От Кегеля наши службы впервые узнали имя приехавшего с непонятной инспекцией в Москву молодого немецкого химика, оказавшегося будущим шефом всей фашистской внешней разведки Вальтером Шелленбергом. И, здорово поддав в «Национале», Шелленберг вдруг выдал, что важной целью грядущей и уже близкой войны Германии с СССР будет выход на линию «А – А» – Архангельск – Астрахань. Кегель моментально сообщил об этом советским друзьям. Жизнь подтвердила, что опьяневший Шелленберг не врал. А Кегель, благополучно переживший войну, обосновался после нее в Восточной Германии. Занимал в ГДР важные государственные посты.

Но вот Хильгеру наших разведчиков разоблачить было не суждено.

Еще один раз пощадил Зорге или, возможно, так до конца и не понял всего ему внезапно открывшегося морской атташе посольства в Японии Пауль Веннекер. В отпуске в Германии пришла ему в голову мысль навестить мать друга Рихарда. Мама ушла накрывать на стол, а моряк, копаясь с ее разрешения в домашней библиотеке друга, случайно наткнулся на написанную Зорге еще 13 лет назад брошюру о Розе Люксембург. Сугубо марксистский подход к изложению событий хорошо знакомого ему автора – фашиста-единомышленника поразил Веннекера. Если бы эту работу сейчас нашли в доме гестаповцы, концлагерь грозил бы всем родственникам Зорге, а уж автору... И Веннекер притащил книжечку в Токио, отдав Рихарду. А тот на глазах Пауля тотчас сжег ее. И все же не избежал вопроса: «Ты, Рихард, коммунист?» Зорге отшутился, что давным-давно был, как и многие молодые, розовым. Веннекер шутку принял.

Признаться, роль Веннекера в деле Зорге осталась мне не до конца понятной. Когда уже осенью 1941-го Рамзай почувствовал, что кольцо вокруг его группы сжимается, то сложил в саквояж все наиболее ценное. Даже некоторые секретные бумаги. А саквояж отнес в дом Пауля Веннекера. Как объяснить этот поступок? Это ли не степень высшего доверия? Догадки можно строить любые. А ошарашенный атташе, узнавший об аресте Рихарда, не потащил саквояж в посольство. Чем бы это могло закончиться? Он взял и сжег бумаги. Что это было? Забота о собственной шкуре или товарищеский жест? А может, жест сочувствующего? Или, что ничем и никак не доказано, однако невольно заставляю себя написать это слово, поступок соратника?

Немного узнали в гестапо и от посла Отта. Не только генерал-майор был в курсе того, что Рихард был близок с его женой. А уж дружба с Зорге выставлялась послом напоказ.

Почему бы и нет, если Рихард Зорге, живя и работая в Токио, поддерживал отношения с министром иностранных дел Германии Иоахимом Риббентропом. Подтверждение тому письмо, найденное в мае 2015 года в токийском магазине раритетов. Послание датировано 4

октября 1938-го. В нем нацист поздравляет доктора Зорге с 43-летием: «Мы ценим ваш выдающийся вклад в деятельность посольства Германии». К посланию прилагается и большая – 29 на 23 сантиметра – фотография Риббентропа. И как после этого не доверять Рихарду?

После ареста Зорге послу Отту приказали сдать дела и прибыть в Германию. Там его ждали суд, неминуемый концлагерь, а то и смерть. Тут же пришел приказ о разжаловании генерал-майора Отта. Коллеги по Абверу поторопились, дав ясно понять, что рассчитывать на пощаду нечего.

Не испытывая судьбу, набравшийся опыта абверовец молча повиновался. Вместе с женой отправился в Берлин. Через Китай. В Пекине следы его затерялись. Выплыл Отт только после войны. Вернулся в Германию. Никаких наказаний «ни от белых, ни от красных» не понес.

А вот консулу Гансу Отто Мейснеру, поддерживавшему с Зорге дружеские отношения, быстренько пришлось расстаться с тепленьким местечком. Его отправили на грозный Восточный фронт, где бывший дипломат воевал танкистом. Выжил, сохранил добрые воспоминания о Рихарде и написал о нем книгу «Кто вы, доктор Зорге?». Она и стала по существу первым серьезным литературно-документальным рассказом о деятельности советского разведчика, пробудила интерес к нему во всем мире. Но и Мейснер о многих свершениях своего приятеля мог лишь догадываться. Чтобы восполнить собственное незнание, ввел в книгу вымышленный персонаж – японскую танцовщицу, сотрудничавшую с Рамзаем. В исполнении писателя-любителя эта дама иногда воспринимается героиней комикса, что подрывает доверие ко всему Мейснером сочиненному.

Я полагаю, единственным человеком, твердо знавшим, кем стал Зорге, был его брат Герман. Старший брат Вильгельм погиб во время Первой мировой войны, а Герман, тоже, как я писал выше, доктор наук, в былые времена симпатизировал левым. Сначала он искренне помогал Ике, потом редкие встречи с младшеньким его тяготили. Он не просто догадывался, знал, откуда раз в несколько лет навещается в Германию Рихард. Смею предположить, Ика не тратил сил на вымыслы. Брат по планам Москвы и его собственным должен был помогать в приобретении нужных связей среди политиков, журналистов, да кого угодно. Жестоко, но Герман был приперт к стенке. Или помощь, или...

Каково в нацистской Германии было прослыть родственником советского шпиона. И Герман выполнял все, нет, не требования, а просьбы младшего брата. Сводил его с нужными людьми, давал рекомендации, хлопотал. Лишь бы Рихард скорее уехал туда, откуда приехал или куда захочет, только бы не появлялся на этом опасном для него и родственников немецком горизонте. Последний раз братья увиделись во время приезда уже известного токийского корреспондента Рихарда Зорге в Германию. Не было в их встрече тепла и искренности. Но Герман и тогда в очередной раз выполнил все просьбы Рихарда.

В 1941 году после провала брата в Японии Герман Зорге был арестован гестапо. Не только разведчики ходят под богом. Их близкие – тоже.

А уж верные помощники, агенты, сослуживцы, просто знакомые... Много разговоров ведется об умелых действиях японцев, запеленговавших передатчик Клаузена. Якобы благодаря этому они точно вышли на дом Макса. Но здесь тоже нет, как я писал, однозначных ответов. Группа «Рамзая» действовала в Токио больше восьми лет. Огромный срок именно для организованной группы, передающей свои сообщения в основном при помощи радиосвязи. Примеры подобной живучести разведгрупп редки. Но японцы вышли на радиостанцию только в последние 16 месяцев работы группы – в 1940–1941-м. И то лишь потому, что объем радиопередач резко возрос. Рихард и его люди сознательно отбросили постоянно проявляемую раньше осторожность. Впереди была война с Германией, и они понимали ценность своих сообщений, откладывать их, переносить на потом было губительно для СССР. И они рисковали.

На помощь профессионалам из японской контрразведки пришли даже местные радиолу-бители. Какую же они проявили настырность. Это их усилиями Клаузен и попал под колпак. На его глазах в доме был нагло проведен несанкционированный обыск, правда, ничего не давший.

Но дотошливые японцы почерк радиста изучили досконально. Были уверены, что он принадлежит одному, лишь одному и очень квалифицированному радисту. И если даже радиостан-ция пеленговалась в разных точках, то радист оставался все тот же. Радиус поисков сужался. В конце концов прояснилось, что все передачи в отличие от прошлых лет ведутся из дома немца Зорге, его соотечественника коммерсанта Клаузена или югославского журналиста Вукелича.

Офицер японской контрразведки явился в немецкое посольство с предупреждением: подданные Германии занимаются в Токио деятельностью, несовместимой с пребыванием в стране. Самоуверенные немецкие дипломаты дали решительный отлуп «этим наглым япон-цам». Посол Отт в разговоре с Зорге обвинил их в шпионии.

Наверное, развязка могла бы наступить и быстрее, если бы японцы смогли точнее оценить все имеющиеся в их руках данные. С трудом представляли, будто угроза может исходить от разведки дружественной Германии... Ведь японцы в принципе союзники фюрера. С СССР Япония воевать в данный момент не намерена. Значит, остаются США, граждане которых и вызывали главные подозрения у Токио.

Японцами не исключалось и участие английской разведки. Не случайно прямо в Токио летом 1940 года бесследно пропал британский журналист из Рейтера Джеймс Кокс. По слухам, японцы сочли его резидентом английской разведки. А потом короткой строчкой в местной прессе промелькнуло, что подозревавшийся в шпионаже Кокс выбросился с третьего этажа.

Многочисленные промахи и просчеты японцев тоже позволили продержаться группе «Рамзая» дольше отпущенного.

Сталин не пошел на обмен

Все-таки почему не был произведен обмен Зорге на нескольких генералов? Ведь японцы предлагали. И это – не миф. После войны подтвердил неоспоримый факт возможного обмена один из содержащихся в Москве крупных немецких разведчиков. Он прямо показал, что были в Токио не прочь обменять Зорге на нескольких своих офицеров, захваченных уже воевав-шими с Японией американцами. Две стороны проявили заинтересованность в обмене.

Но Иосиф Виссарионович на это не пошел. Сталин, и не только он, считал Зорге двойни-ком, работавшим и на нас, и на Германию. Некоторые близкие к «отцу народов» руководители разведки подозревали Зорге в сотрудничестве с немцами.

Однажды Сталин сообщил Георгию Жукову, в ту пору начальнику Генерального штаба Красной армии, что «один человек передает нам очень важные сведения о замыслах гитле-ровского правительства. Однако на этот счет у нас имеются некоторые сомнения. Мы им не доверяем, потому что, по нашим данным, он двойник». Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» полагает, что Иосиф Виссарионович «вероятно, имел в виду Рихарда Зорге, о котором я узнал только после войны». Может, Сталин и хотел бы поверить Рамзаю. Но в таком случае разрушалась вся его стратегическая концепция, основанная на укрощении им, Сталиным, Гитлера. И тонко чувствующий, куда ветер дует, начальник военной разведки гене-рал-лейтенант Голиков пишет на полях радиограммы Зорге о возможной дате начала войны во второй половине июня 1941-го и о переброшенных на наши границы немецких дивизиях: «В перечень сомнительных и дезинформирующих сообщений Рамзая».

Макс Клаузен потом рассказывал, что «мы получили странную радиограмму. В ней гово-рилось, что возможность нападения представляется Центру невероятной. Рихард был вне себя. И воскликнул: “Это уж слишком!”».

И тут же обращаюсь к воспоминаниям Вальтера Шелленберга. Руководитель немецкой внешней разведки называет Зорге «токийским агентом Главного управления имперской безопасности», а его сведения передаваемой фашистам «первоклассной информацией». Как ни покажется невероятным, но и это – чистая правда. Просто так творить и писать свои статьи фашисты из посольства журналисту Зорге не позволили бы. Зорге передавал отобранную политическую информацию послу Ойгеру Отту. В ней не было ни капли дезинформации. Иначе бы, снова обращаясь к свидетельству Гудзя, был бы Рамзай тут же разоблачен. А его сделали пресс-атташе посольства, а по существу, первым советником посла. И благодаря этому Зорге совершил то, чего, насколько знаю, не удавалось в таких вселенских, мировых масштабах ни одному разведчику мира. Пусть в годы войны все это было не так очевидно.

Сталин не высказал никакого желания помочь Рамзаю. Но работало же в Токио советское посольство, вскоре узнавшее, что Зорге – советский гражданин. И тут тоже никаких действий, полное молчание.

Обмен Зорге на японских генералов, захваченных американцами, или их агентов, арестованных в СССР, виделся вполне реальным. Но никто и пальцем не пошевелил, чтобы вступить с японцами в переговоры. Хотя следует иметь в виду, что в те суровые годы войны такой практики вообще не было принято. От провалившихся разведчиков просто отрекались. Так и о группе «Рамзая» предпочли «забыть».

Для разъяснения вновь обращаюсь к Борису Гудзю.

– Да Сталин и не пытался спасти Зорге. Он был мстительным, злобным человеком. Но и здесь я позволю себе высказать свою сугубо личную версию. По крайней мере, взглянуть на события так, как они видятся мне. Предполагаю: японская охранка, Зорге арестовавшая, все же не знала, что он именно советский разведчик.

– А за кого же они тогда его принимали?

– Японцы думали, что он – немецкий шпион.

– Прямо сталинская версия.

– Рихард Зорге не был никаким двойником. Да, стажер немецкого военного атташата Ойгер Отт вырос с помощью советского резидента Зорге до генерала, а в 1939 году и посла Германии в Японии, отношения с ним были исключительно доверительные. Говорят, Зорге помогал Отту. И правильно, это само собой разумеется. Он улавливал тончайшие нюансы, до которых туповатому немецкому офицеру Отту было никогда не добраться. Даже лежа в больнице после аварии на мотоцикле, он сумел набросать пришедшему к нему Отту главные тезисы выступления в Берлине. И тот их использовал. Конечно, помогал, тянул и вытянул в послы. А как нашему разведчику удалось бы проработать столько лет с Оттом, если бы он не давал ему никаких сведений о Японии? Надо было общаться, оставаться на соответствующем уровне. И Зорге его бесконечно консультировал, снабжал квалифицированными советами, никогда не подбрасывая дезинформацию. Иначе быстренько бы провалился. Он близко сошелся с Оттом. И в ответ получал от того бесценные сведения. Имел доступ к черной папке, в которой Отт хранил все наиболее ценные донесения, отосланные посольством Германии в Берлин, и все указания, информацию, полученную оттуда. Бывало ли такое в истории нашей или других разведок? И так на протяжении нескольких лет. А когда он вырастил из исполнительного, но недалекого абверовца Отта посла, то тот уже не мог обходиться без опеки друга Рихарда. Немецкий посол был в полной зависимости от советского разведчика, Зорге превратил его в надежный и неиссякаемый источник информации, которую сам и контролировал, преподнося Отту в нужном для СССР виде. Рамзай видел в кипе донесений, собранной всей немецкой агентурой в Японии, больше, чем приоткрывалось Отту.

Зорге не только угрожали пытками, но и пытали. И эти пытки было невозможно выдерживать. Я считаю, что после ареста Рамзай раскрылся, признался. Как – дано понять только тому, кто сам испытал подобное. Судить Зорге за это я не могу. И позицию, которую он избрал, изба-

вив себя впоследствии от пыток, называю правильной. Он решился открыто сказать: я – советский разведчик. Поймите, я не противник Японии, я – ее друг. Дружу с японским народом, стараюсь, чтобы у моей страны не было с ним осложнений. Понимаете, как он поставил вопрос: я – друг, а не собиратель шпионских сведений. И тут высказываю вам, повторяюсь, лично мою точку зрения. Зорге проявил себя вроде бы и как человек Коминтерна. Он не шпион, а идейный работник. А в СССР связи с Коминтерном старались скрывать. Сталину позиция, занятая Зорге, не понравилась.

– Извините, если вопрос покажется вам несколько обывательским. Не кажется ли вам, что замечательный разведчик всегда был чересчур равнодушен к прекрасному полу?

– И в свои сто с лишним лет я вам отвечу так: а что в этом плохого?

– Может, вашему начальству не нравилось, что Зорге, женатый на москвичке Екатерине Максимовой, был в Токио совсем не одинок. Ведь тогда разведчикам приказывали блюсти себя строго.

– Что-то я такого не припоминаю. Зорге жил с японкой Исии Ханакко, которая разыскала прах. Думаю, собрала горстки земли и пепла на месте захоронения. Впоследствии поставила Зорге памятник. Вот какие японские женщины. Она сохраняла верность любимому до самой своей смерти в 2000 году. Зорге был настоящим мужчиной. По легенде, холостяк. Сидит в Японии годы и годы. Здоровый, нормальный человек. Ясно, что какую-то штучку себе там заводит. Может, были у него, кроме японки, какие-то встречи. Наверное, с германскими дамами, он нам информации об этом не давал. А мы не спрашивали: с кем вы там? Такие вопросы отпадают, они ни к чему.

Добрые и светлые люди перевели с японского специально для книги писателя Валерия Повалева «Японский лабиринт» кипы материалов о годах, проведенных Зорге в тюрьме. Эти свидетельства использовались в зарубежье во время одной из международных конференций, посвященной разведчику.

Мучительное существование в тюрьме Сугамо, режим в которой считался даже по военным японским меркам жесточайшим. Ежедневные допросы, когда сил не остается ни на что. Почти три года в крошечном каменном мешке. На полу грязная циновка, в углу – параша.

Раньше об этом лишь догадывались, хотя отгадка-то была проста, напрашивалась. Зорге пытали. Выплыли на свет документы о допросах с пристрастием. Ногти изранены: под них медленно засовывали острые длинные иглы. Запястья изуродованы бамбуковыми тисками, которые изуверы сжимали и сжимали. Лишь однажды Зорге изменил себе: попросил оставить в покое хотя бы его руки. Изуверы еще туже сжали их тисками. То была последняя просьба Зорге. Он лишь изводил тюремщиков молчаливым презрением.

Но годы тюрьмы истощали. И даже прирученный Зорге крысенок исчез из камеры. Иногда вместо крысенка упоминается лягушонок, якобы занесенный в тюрьму порывом обрушившегося на Токио урагана. Однако и крысенок-лягушонок сбежал, оставив заключенного один на один со следователем, методично, месяцами выдавливающим из Рихарда нужную информацию.

Следствие по делу группы Зорге продолжалось два года. В камере появился низенький столик. Зорге разрешили вести записи. Относительно недавно японцы раскрыли их содержание.

О мужестве Зорге, о его вере в Советский Союз можно судить по признанию, сделанному на допросе 24 марта 1942 года: «Я категорически отбрасываю мысль, что СССР в результате войны с Германией потерпит поражение или будет сокрушен. Если вообразить самое тяжелое для СССР, то оно, я полагаю, заключалось бы в потере Москвы и Ленинграда и отходе в результате этого в бассейн Волги. Но даже и в этом случае Германия не сможет захватить Кавказ... СССР сохранит огромную силу сопротивления. Вот почему я уверен, что бессмысленно предполагать, будто Советское государство сможет оказаться разгромленным».

Еще во время следствия Зорге сделал и такое заявление: «Сейчас ... я еще более укрепляюсь в правильности моего решения, принятого 25 лет назад. Я могу решительно заявить об этом, обдумывая все, что произошло в моей судьбе за эти 25 лет и особенно за последний год».

Суд в Токио был закрытым. Дело слушали семь человек в черных мантиях. На суде Зорге сказал:

– Сам Советский Союз не желает иметь с другими странами, в том числе и с Японией, политических конфликтов или военного столкновения. Нет у него также намерения выступать с агрессией против Японии. Я и моя организация прибыли в Японию в 1933 году вовсе не как ее враги... Мы своей деятельностью стремились отвести возможность войны между Японией и СССР.

Ему вторил Ходзуми Одзаки, арестованный в собственном доме 14 (по другим данным 15-го) октября 1941-го. Слова при прощании с женой, как и многое из того, что делал Одзаки, были пророческими: «Не тревожся. Я знал, на что шел. В итоге все будет хорошо».

Одзаки держался твердо. Мне кажется, я знаю причину: Ходзуми на сто процентов предвидел, чем может – или должно – завершиться многолетнее сотрудничество с советской разведкой, начавшееся еще в Шанхае. Развязка невольно приближалась с каждым годом рискованной работы, с каждым новым его сообщением, переданным Зорге. И журналист откровенно признавался в этом прокурору токийского окружного суда:

– Мы не могли предотвратить нападения фашистской Германии на СССР. У нас не было иного выхода, кроме как собирать информацию, помогавшую советскому правительству правильно оценить обстановку и принять необходимые меры.

Только за первые две недели допросов с пристрастием Одзаки похудел на 15 килограммов.

Зорге взял всю вину на себя, сознательно преуменьшал роль всех остальных членов его группы. 29 сентября 1943 года судьи вынесли приговор: Зорге и Одзаки – к смерти через повешение, Клаузена и Вукелича – к пожизненному заключению. Анна Клаузен получила семь лет.

И тут надо обязательно отметить, что не все арестованные по делу Зорге понесли вынесенные им наказания. Среди информаторов Одзаки был и 46-летний Кен Инукаи. Богатый землевладелец, член японского парламента и сын премьер-министра Японии Цуэсси Инукаи, убитого в 1932 году. Его принадлежность к группе Зорге была доказана. Однако сын бывшего премьера и депутат был помилован благодаря принадлежности к японской правящей верхушке. После войны Кен Инукаи даже занимал пост министра.

Сайондзи Кинкадзу, сын князя Киммоти Сайондзи, занимал пост советника в кабинете министров Японии. Ввиду высокого происхождения и занимаемого поста осужден на три года тюрьмы – условно.

Годы, проведенные в тюрьме, так сказались на здоровье некоторых осужденных членов группы Зорге, что многие из них скончались в заключении или вскоре после выхода из него в 1945 году. Так, информатор Мияги дамская портниха Китабаяси Томо умерла почти сразу же после освобождения.

Апелляции Зорге и Одзаки отклонили. Их перевели в камеры смертников, где они промучились больше года. Каждый день мог стать последним.

Вукелич скончался в тюрьме от воспаления легких через два месяца после казни Зорге и Одзаки – 13 января 1945 года. Как же его пытали, какие мучения он перенес, если в день смерти до этого пышущий здоровьем сорокалетний мужчина весил всего 32 килограмма.

После присвоения Рихарду Зорге – посмертно – звания Героя Советского Союза супругов Клаузен пригласили в Москву. Много чего рассказал Макс московским кураторам. Он отбывал пожизненный срок в тяжелых условиях. Болел, лечился в тюремном госпитале. И выжил. Когда они с Анной встретились, то не узнали друг друга. Супруги в 1946-м переехали в Восточную Германию. В Берлине написали для нас, потомков, свои воспоминания.

19 января 1965 года в доме 2 на Лубянке Макс Клаузену вручили орден Красного Знамени, а его жене Анне – Красной Звезды.

Вспомним и о спутнице Зорге Исии Ханако. И она побывала в Москве. Рассказывала соратникам Рихарда, как отыскивала останки любимого на токийском кладбище Тама. В братской могиле, где покоятся сотни борцов с нацизмом, Ханако с помощью друзей сумела найти тело Зорге. Опознала его по золотым зубам да еще и по примете, о которой мы уже упоминали: после ранения одна нога была чуть короче другой. Исии несколько лет собирала деньги на памятник Зорге. И собрала. До самой ее смерти не исчезали живые цветы у памятной гранитной плиты.

В Москве Исии Ханако показала массивное золотое кольцо. Оно выплавлено из зубов Рихарда. Руководство КГБ СССР было столь тронута ее верностью к Зорге, что, невзирая на определенные правила, пригласило Исии Ханако отдохнуть в своем ведомственном санатории в Сочи. Предложение было с благодарностью принято.

А казнили Рихарда Зорге и Ходзуми Одзаки 7 ноября 1944-го.

Почему убили разведчиков именно в день советского национального праздника? В прокуратуре Токио этому дали свое объяснение. «Был специально выбран день годовщины русской революции, исходя из благожелательства, характерного для кодекса самурайской морали». Какое благожелательство – циничная извращенность. Двух патриотов лишали жизни в один из светлейших для них, по крайней мере для Рихарда, дней. Ни Одзаки, ни Зорге ни намеком не сообщили о дне и времени казни.

В утро казни Зорге, извинившись перед пришедшим исповедовать его священником, вежливо отказался от услуг. Для меня этот жест значит многое. Он ни в чем не предал себя и в последний миг. Был атеистом и умер им.

Попросил за несколько минут до казни не завязывать ему глаза. Так подготовился к уходу, что знал: выдержит, не допустит слабину. Сам, не дав в последние мгновения осквернить себя прикосновением чужих холодных и враждебных рук, нацепил на шею веревку с петлей.

Но вот опять миф. Перед смертью в тысяча сотый день своего заточения, пришедшийся на 27-ю годовщину праздника 7 Ноября, Зорге, одетый в красную рубашку, выкрикнул на японском, что Красная армия все равно победит. Красная рубашка действительно была, как и на других смертниках. А что выкрикнул, так это вряд ли. На японском языке Рихард, в отличие от всего написанного, говорил плоховато. Читал – отлично. Что он выкрикнул, останется неизвестным.

Однако записи из протокола о приведении приговора в исполнение остались. Природа была против его кончины. Прошло 18 минут после того, как открылся люк, в который упало тело, а сердце Зорге все еще билось. Оно остановилось в 10 часов 38 минут.

Приблизительно также высшие силы протестовали против смерти супругов Джулиуса и Этель Розенберг, казненных американцами по обвинению в шпионаже в 1953-м. Несмотря на электрические разрывы, сердце Этель билось и билось. Все закончилось только тогда, когда изумленный палач «врубил» свой смертоносный прибор на полную мощь.

Кто открыл нам Зорге

Это сегодня для нас Зорге великий разведчик. А в 1950 –1960-е годы, когда мир уже вовсю склонял имя гениального Рихарда, в Москве ни о каком Рамзае и не слышали. Или слышать не хотели?

До сих пор витает множество слухов, каким же все-таки образом была пробита брешь в стене тотального молчания или, скорее, умалчивания. В основном, и не без определенных на то оснований, благодарят Никиту Хрущева. Славят Ива Чампи, снявшего прекрасный фильм «Кто вы, доктор Зорге?». И в этом тоже есть значительная доля истины.

Но все началось совсем не с дорогого Никиты Сергеевича и не с французского кинорежиссера, чей фильм в мировом прокате назывался «Кто вы, месье Зорге?». Этот прорыв из небытия подготовил генерал-полковник Николай Захаров, назначенный в 1961-м заместителем председателя КГБ. Для этого Николаю Степановичу пришлось пойти против министра культуры СССР Екатерины Фурцевой.

Ну а если по порядку, то довольно эксцентричный режиссер Ив Чампи выпустил свой фильм «Зорге» с западногерманским актером Томасом Хольцманом в главной роли в 1961 году. И фильм пошел. Везде, кроме СССР, во славу которого он, собственно, и был снят. Иметь такого разведчика – честь для любой страны. И воодушевленный Чампи в дни холодной войны, полного неверия и недоверия к Советскому Союзу пробивается в 1962-м в Москву для показа кинокартины. Вот энтузиаст! Пробился, однако не дальше Министерства культуры. Вдруг выяснилось: и среди советских разведчиков, страшное дело и действительно неожиданное открытие, попадают бабники. Например, Зорге, который на экране не раз и даже не два занимался любовью (закройте глаза, зрители СССР) с разными женщинами. Фурцевой и ее соратникам «Зорге» не показался и был отвергнут. Сотрудников ведомства, на которое трудился Рихард Зорге, на просмотр не пригласили. Ошеломленный неудачей Чампи ретировался восвояси.

И все же не отчаялся. Узнав, что в стране, которую его киногоерой считал родиной, создан Комитет по кинематографии, он предложил его главе Алексею Романову посмотреть фильм.

По отзыву моих двух ближайших родственников, Дом кино, тогда еще на улице Воровского, брали штурмом. Те, кто все-таки взял, вернулись домой в восхищении. Длиннущий, ростом в 190 сантиметров, Хольцман был и загадочен, и хорош собой, и, что удивило многих, западный немец сыграл Рихарда Зорге так, что сомнений в патриотизме советского разведчика не оставалось. Как пишет в своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «СБ», Николай Захаров, в Дом кино попал с его разрешения и случайно узнавший о необычном кинопоказе сотрудник внешней разведки Сергей Кондрашов. Захаров попросил полиглотта Кондрашова составить аннотацию фильма. Приказ был выполнен. Картина отличная, правда, ну, что возьмешь с режиссера-француза, многовато откровенных сексуальных сцен.

Захаров попросил Романова, не склонного к покупке картины, все же передать ему ленту. И руководителям КГБ фильм понравился. А дальше, как это было и бывает, через начальника охраны Хрущева первому человеку страны передали аннотацию.

Офицеры – синхронные переводчики из органов прибыли в Дом приемов, где должны были бы показать «Кто вы, месье Зорге?». Вдруг выяснилось, что в розданном гостям списке для просмотра значатся десять фильмов. «Зорге» среди них не оказалось. И тут Хрущев вспомнил, что зампред КГБ предлагал посмотреть фильм «о каком-то разведчике».

«Во время сеанса тишина в зале стояла гробовая», – вспоминал Захаров. А когда вспыхнул свет, Никита Сергеевич ошарашил собравшихся вопросом, как им фильм. Ответом было молчание. Разве можно говорить поперед батьки? И тут Никита Сергеевич неожиданно для многих признался: фильм – хороший, ему, например, понравился. Мгновенно прозвучало всеобщее и единодушное восхищенное одобрение и личностью героя, и картиной.

Приказом Хрущева лента был закуплена и в кратчайший срок дублирована.

Рихарда Зорге, то бишь Томаса Хольцмана, озвучивал тончайший мастер дубляжа Николай Александрович. У нас обошлись без всяких месье, переименовав картину в «Кто вы, доктор Зорге?». Фильм бил рекорды посещаемости. До «Мертвого сезона» с отечественным тогда Банионисом в главной роли и с самим полковником Абелем в первых кадрах советскому народу предстояло прожить еще целую пятилетку.

А руководство КГБ быстренько обратилось в ЦК КПСС с ходатайством о награждении разведчика и его группы государственными наградами СССР. Что и было сделано: 5 ноября

1964 года Рихарду Зорге было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно), а его друзьям – живым и, увы, большей частью мертвым – боевые ордена.

6 ноября 1964-го газета «Правда» написала о Зорге: «Только через двадцать лет сложились условия, позволяющие рассказать правду о Зорге. По достоинству оценены его выдающиеся заслуги перед Родиной, его мужество и героизм. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 5 ноября 1964 года тов. Рихарду Зорге посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Люди доброй воли с великой благодарностью вспоминают коммуниста-интернационалиста, пламенного антифашиста и борца за мир – советского разведчика Рихарда Зорге». Справедливость, благодаря многим слившимся воедино факторам и счастливым обстоятельствам, все же восторжествовала.

А если бы не фильм Чампи? Нет у меня ответа.

Рамзай еще не уходит

Интерес к Зорге и всему с ним связанному сейчас огромный. Приведу некоторые отзывы о деятельности группы «Рамзай» из уже упомянутой книги Анатолия Георгиевича Смирнова. И принадлежат они вовсе не соратникам Зорге по борьбе и не идеологическим единомышленникам.

Первыми постарались изучить опыт советского разведчика американцы, сразу же после войны попытавшиеся провести расследование «дела Зорге» и по горячим следам изучившие попавшие в их руки материалы. Итог анализа деятельности Рихарда – Рамзая подведен в докладной записке, датированной 1946 годом и предоставленной командующему оккупационными войсками США в Японии генералу Макартуру: «С 1933 по 1944 год Зорге обеспечивал Советский Союз всеобъемлющей информацией о намерении Японии в военной, политической и экономической областях. Красная армия постоянно находилась в курсе состояния тех или иных планов Японии. С учетом этого она могла планировать свои действия и принимать решения».

Еще более категоричен Джон Эдгар Гувер. Вот восторженный отзыв о Рамзае директора ФБР: «Пожалуй, наиболее успешной из всех шпионских операций Второй мировой войны стала деятельность в Японии разведывательной группы под руководством немецкого коммуниста, доктора Рихарда Зорге». А директор ЦРУ Аллен Даллес вопрошает: «Как удавалось Зорге так долго избегать разоблачения?»

«Группа, руководимая блестящим изобретательным разведчиком Рихардом Зорге, совершала поистине чудеса», – пишет Чарлз Вальуби, начальник Тихоокеанских войск США в годы Второй мировой войны.

Придерживаются столь же высокой оценки Зорге и англичане. Так, профессор истории Чарлз Вайтон в свое время утверждал: «Рихард Зорге, бесспорно, был величайшим шпионом Второй мировой войны. Нынешний Советский Союз, да, пожалуй, и вся система мирового коммунизма обязаны своим существованием этому немцу – русскому».

Даже руководитель 4-го отдела СД РСХА Вальтер Шелленберг, возглавлявший разведку Третьего Рейха за границей, вынужден был признать: «Зорге нанес непоправимый урон японцам». Так и хочется спросить: а вам, фашистам, что, не нанес?

В XXI веке интерес ко всему, что только связано с Зорге, еще более возрос. Наверное, поэтому наследие Рамзая до сих пор изучается. И не только людьми его профессии, но и учеными самых разных стран. Ежегодные международные семинары, где исследователи выступают с докладами, посвященными деятельности Рамзая, проводятся в самых разных странах – от Японии до Австралии.

Хорошо, что россияне тоже вносят свою лепту в эти международные форумы, выступая с подробными докладами. Тут уж, как говорится, кому, как не нам.

В Москве на вечерах, посещаемых и профессионалами разведки, и просто публикой читающей, интересующейся, обсуждается профессиональная работа Зорге. Так, полковник разведки в отставке и писатель Олег Нечипоренко высказал свою гипотезу: Зорге сумел продержаться так долго, потому что никак не попадал под стереотип разведчика. Его поведение, манеры, увлечения никак не соответствовали общепринятым канонам. Это и спасало, оберегало от углубленных проверок.

Еще один сослуживец Нечипоренко поделился информацией неслыханной. Считается, будто попавший в тюрьму Зорге был брошен советской разведкой на произвол судьбы. Но нет. Если верить отцу этого человека, тоже профессионалу разведки, то несколько групп наших военных, проникших на территорию Японии, должны были помочь Рихарду. По разным причинам это не удалось.

Были ли такие группы? Кто в них входил кроме отца человека, поведавшего эту историю сыну?

Но, честно говоря, мне в это верится с трудом. А вот в другое почему-то верю. Некоторые профессиональные разведчики, в том числе и работавшие в Японии, считают, что запущенное Рихардом Зорге колесо разведки крутилось очень долго. Может, полагают они, крутится до сих пор?

Россияне, и не только туристы, часто навещают могилу Зорге. Кладбище далеко от центра Токио, по существу в другом городе. На одной стороне установленного здесь памятника выбито: «Рихард Зорге 1895–1944». На другой стороне можно прочесть: «Здесь покоится герой, который отдал свою жизнь в битве против войны, за мир во всем мире. Родился в Баку в 1895 году. Приехал в Японию в 1933 году. Был арестован в 1941 году. Казнен 7 ноября 1944 года». Могила всегда ухожена. После кончины верной спутницы Рихарда Исии Ханако так было не всегда. Уходили люди, ветшали могилы. Даже памятники стареют. Но теперь дважды в год из Москвы сюда на кладбище приезжает подтянутый лысоватый человек, о котором говорят, что работа в спецслужбе ему далеко не чужда. Он ухаживает за могилой, сохраняя память о великом разведчике.

Очень медленно раскрываются новые страницы многотомной жизни разведчика Зорге. А если вскоре настанет момент, когда грифы секретности падут? Кто знает...

Версия. Как погиб разведчик Кузнецов (Николай Кузнецов)

Годы и исследования историков открывают новые обстоятельства гибели Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова.

За 18 месяцев разведчик-нелегал, действовавший под именем обер-лейтенанта Зиберта, уничтожил 11 генералов и прочих высших чинов фашистской администрации на оккупированных территориях. Напомню о наиболее важных операциях. В центре Ровно Кузнецов отправил на тот свет имперского советника рейхскомиссариата Украины Геля и его секретаря Винтера. Вскоре смертельно ранил заместителя рейхскомиссара генерала Даргеля. С помощью соратницы Лидии Лисовской похитил и вывез из Ровно генерала фон Ильгена, под командованием которого фашисты проводили все карательные операции. Ильген понес заслуженную кару. Затем Кузнецов совершил акт возмездия над президентом верховного суда на оккупированной Украине Функом. Добравшись до Львова, Николай Иванович убил вице-губернатора Галиции Бауэра и подполковника Петерса.

Нет цены стратегическим разведывательным данным, добытым Кузнецовым. Он узнал точное расположение полевой ставки Гитлера под Винницей. Одним из первых сообщил в Центр о подготовке в Тегеране покушения на «Большую тройку» – Рузвельта, Сталина и Черчилля. Из ровенских лесов ушла его радиогруппа о планах противника начать крупную наступательную операцию в районе Курска с использованием танков «Пантера» и «Тигр», броня которых будет еще более крепкой. Это гигантское танковое сражение вошло в историю как битва на Курской дуге.

Тема волнующая или, по крайней мере, интересующая многих. После публикации статей и книг о человеке, совершавшем в Ровно и во Львове акты справедливого возмездия над фашистскими главарями, получаю множество откликов. Среди них и письма читателей, предлагающих продолжить тему. И обращения историков, десятилетиями пытающихся выяснить новые эпизоды жизни и смерти разведчика, восемнадцать с половиной месяцев действовавшего в немецком тылу под именем обер-лейтенанта Пауля Зиберта.

Особенно запутанны обстоятельства гибели Кузнецова. Кажется, теперь они проясняются.

Смирению прошу не обижаться на суховатый слог этой главы, не корить за порой рубленые фразы. Главная задача – донести до читателя те сложнейшие испытания, которые выпали на долю Николая Кузнецова и его соратников перед последним, по-настоящему смертным часом. Писательство обязано уступить место документально зафиксированной точности. Постоянное цитирование всплывающих из секретного небытия документов, ссылки на высказывания действующих лиц той эпохи, выписки из протоколов авторитетнейших следственных органов и позволяют воссоздать новую, на мой взгляд, достоверную версию гибели Николая Ивановича, основанную на открывшихся свидетельствах.

Письмо как предчувствие жертвы

Да, Николай Иванович Кузнецов знал: он несет беспощадную месть врагам. Как и то, что смерть бродит за ним по пятам. Если откровенно, шансов выжить разведчику-нелегалу-мстителю было почти не дано. Отсюда и прощальные письма, которые он оставлял Медведеву, отправляясь из отряда «Победители» на задания. Каждое и письмо, и задание могли – или должны были? – стать последними.

Смысл одинаков: уйду в неизвестность, не боюсь умереть за Родину, помните и прощайте. Дошло до того, что капитан госбезопасности Дмитрий Николаевич Медведев запретил писать такие послания.

Впрочем, одно письмо-завещание, которое Николай Кузнецов просил вскрыть в случае гибели, командир «Победителей» хранил. А лично удостоверившись в смерти друга, вскрыл и все просьбы Кузнецова выполнил.

Благодаря собственному гению, бесстрашию, полнейшему хладнокровию, невероятной жажде жизни, здоровому авантюризму, невероятной везучести, без которой никакому человеку его редчайшей, штучной профессии не жить, Николай Иванович продержался дольше, чем ему было отпущено в самых смелых планах НКВД. Посылали в немецкий тыл на несколько недель, а он продержался с 25 августа 1942-го по 9 марта 1944 года.

Однако всему приходит конец. Нет, не думаю, что уверовал в звезду, сделался чересчур самоуверенным. Такое губит многих разведчиков – легальных и нелегальных. Но не это привело гения разведки Николая Кузнецова к роковой схватке с бандеровцами, из которой невозможно было выйти живым. Если порой он обыгрывал смерть, то в ночь на 9 марта все было против него. Но об этом чуть позже.

Так сложилось в не совсем удачливой личной жизни Кузнецова, что он развелся еще до войны. Изредка виделся со старшей сестрой Лидией, помнил о другой сестре – Агафье. Кстати, пусть не удивляет необычное имя. Кузнецов родился в семье зажиточных староверов. Так что разговоры о немецком происхождении отца не нашли никакого подтверждения. Он любил своих близких, но о работе никогда с ними разговоров не заводил. К чему? Старшая сестра Лидия и так за него чересчур переживала. Не понимала, чем он занимается, боялась, что общение с иностранцами Нику до добра не доведет.

И поэтому роднее и ближе младшего брата Виктора, которому старший Николай позволял догадываться, только догадываться, о своей многотрудной службе, никого не было. Они переписывались.

Кстати, одно из писем старшенького Виктору дает ответ, если точнее, намек, когда судьба свела будущего Героя с разведкой. Кузнецов, нареченный волей родителей-староверов Никанором, с детства не любил этого имени, как-то не пришлось оно к нему. И в 1931-м, когда закончилось, наконец, дело о хищении леса, к которому хохом причислили и Никанора Кузнецова, дав год условно, у парня завязались неплохие отношения с чекистами, преступление раскрывшими. Увидели они в молодом человеке определенные способности. Привлекли к своей работе. И в ответ на первые удачные шаги помогли избавиться от нелюбимого имени.

Вот отрывочек из письма брату Виктору, отправленного в том же 1931-м: «Витя, поздравь меня. Я получил новый паспорт. Теперь я Николай Иванович». Не настаиваю на стопроцентной достоверности вывода. Но, право же, для предположения о сделанном Кузнецову предложении о секретном сотрудничестве с органами и его согласии есть все основания: расследование хищения, суд, срок, сотрудничество и... новые имя и паспорт.

Помогли Николаю с переездом в Свердловск. Думаю, без содействия новых друзей вряд ли Кузнецову удалось бы перебраться в 1934 году из глухомани в огромный по тем временам город и начать работать в конструкторском отделе Уралмашзавода. А чтобы поставить точку в споре о том, получил ли Кузнецов образование или нет и каким образом совершенствовал свой немецкий, дословно процитирую отрывок из его официальной биографии, составленной уже в наши дни Службой внешней разведки РФ: «Одновременно учился на вечернем отделении индустриального института и на курсах немецкого языка. На заводе он часто общался с немецкими специалистами, и это было для него не только хорошей разговорной практикой, но и возможностью изучить манеры немецких рабочих и инженеров, их психологию, привычки. После окончания (внимание! – *Н. Д.*) института в 1938 году Николай Кузнецов был направлен

в Москву, зачислен в аппарат внешней разведки и начал готовиться к работе за границей с нелегальных позиций».

Но до нелегальных позиций не дошло. Кузнецов занимался разработкой немецкой агентуры, и не только в столице. За несколько лет и благодаря его усилиям были выявлены два десятка агентов Абвера и СД.

А Виктор Иванович Кузнецов, воевавший в Великую Отечественную, внешне очень походил на старшего брата, любил его искренне. И был немногословен. После войны написали они вместе с сестрой о Николае книгу. Ожидавших хоть каких-то откровений постигло разочарование. Повествование получилось несколько казенным, ни единого нового факта. Будто переписывалось с официальной, от кого-то полученной справки. Люди сведущие объясняли недовольным читателям: так надо.

Но можно (и нужно) же было нелегалу Николаю Ивановичу быть до определенной степени хоть с кем-то откровенным, нельзя было держать в себе великую тайну, рвавшуюся наружу. Привожу текст письма, отправленного Кузнецовым брату перед заброской в отряд Медведева, полностью. Никаких поправок. Разведчик знал, на что шел. К самопожертвованию был готов.

«Москва, 27 июня 1942 г.

Дорогой братец Витя!

Получил отправленную тобой открытку о переводе в Козельск. Я все еще в Москве, но в ближайшие дни отправляюсь на фронт. Лечу на самолете.

Витя, ты – мой любимый брат и боевой товарищ, поэтому я хочу быть с тобой откровенным перед отправкой на выполнение боевого задания. Война за освобождение нашей Родины от фашистской нечисти требует жертв. Неизбежно приходится пролить много своей крови, чтобы наша любимая Отчизна цвела и развивалась и чтобы наш народ жил свободно.

Для победы над врагом наш народ не жалеет самого дорогого – своей жизни. Жертвы неизбежны. Я и хочу откровенно сказать тебе, что мало шансов на то, чтобы я вернулся живым. Почти сто процентов за то, что придется пойти на самопожертвование. И я совершенно спокойно и сознательно иду на это, так как глубоко сознаю, что отдаю жизнь за святое, правое дело, за настоящее и цветущее будущее нашей Родины. Мы уничтожим фашизм, мы спасем Отечество. Нас вечно будет помнить Россия, счастливые дети будут петь о нас песни, матери с благодарностью будут рассказывать детям о том, как в 1942 году мы отдали жизнь за счастье нашей горячо любимой Отчизны. Нас будут чтить освобожденные народы Европы. Разве может остановить меня, русского человека, большевика, страх перед смертью?

Нет, никогда наша земля не будет под рабской кабалой фашистов. Не перевелись на Руси патриоты, на смерть пойдем, но уничтожим дракона! Храни это письмо на память, если я погибну, и помни, что мстить – это наш лозунг. За пролитые моря крови невинных детей и стариков – месть фашистским людоедам. Беспощадная месть!

Перед самым отлетом я еще тебе черкну.

Будь здоров, братец. Целую крепко».

Кто знал о Грачеве

25 августа 1942 года в партизанском отряде Дмитрия Медведева «Победители» встречали еще одну группу парашютистов, подготовленных из Москвы IV Управлением НКВД СССР. Командир поговорил с каждым из тринадцати. Последним, кого долго расспрашивал Дмитрий Николаевич, был боец Николай Васильевич Грачев. Этого человека Медведев ждал давно. В отряд прибыл опытный разведчик Николай Иванович Кузнецов. С Грачевым капитан госбезопасности (звание, приравненное к полковничьему) раньше знаком не был. Людей, его подготовивших, уважал и ценил.

И опять некая новая версия, подтверждающая, что Грачев прибыл с особым заданием. В одной из пуговиц его гимнастерки было запрянуто написанное на тончайшем шелке письмо начальника IV Управления генерала Судоплатова Медведеву. Тот должен был во всем помогать Грачеву – всего лишь красноармейцу. Командир «Победителей» сам спорол пуговицу с гимнастерки удивленного парашютиста. Об этом личном послании для Медведева в Москве Кузнецова не предупреждали.

Сейчас уже можно сказать, по какой линии, как говорят чекисты, предстояло действовать нелегалу с документами на имя обер-лейтенанта Пауля Зиберта: это была линия «Т – террор».

Кузнецову ни в коем случае нельзя было регистрироваться в немецких военных комендатурах. По разработанной в Москве легенде получивший тяжелое ранение фронтовик Зиберт считался чрезвычайным уполномоченным хозяйственного командования по использованию материальных ресурсов оккупированных областей СССР в интересах вермахта – «Викдо». Откомандирован туда до полного выздоровления. В сорокатысячном Ровно, объявленном Гитлером столицей оккупированной Украины, находилось около 250 различных немецких учреждений. И хотя небольшой город насквозь просматривался бесконечными фашистскими службами безопасности, именно здесь и предстояло действовать Зиберту. Считалось, что об истинной роли Кузнецова знала лишь горстка самых доверенных людей отряда. Однако не исключается, что на самом деле все обстояло не совсем так.

В декабре 1943 года Медведеву пришлось принимать нескольких важных гостей. Коренастый, уверенно державшийся человек слез с лошади и представился командиру, назвав свою настоящую фамилию – Бегма. Бывший первый секретарь Ровенского обкома партии, а теперь руководитель подпольного обкома Василий Андреевич Бегма в звании уже генерал-майора приехал с группой товарищей к «Победителям». Если верить некоторым источникам, то чтобы поздравить бойцов отряда, удостоенных правительственных наград.

Обратите внимание: знакомство Медведева с Бегмой состоялось только в конце 1943 года, что очень важно для понимания дальнейшего развития событий. До этого о Грачеве в Ровно было абсолютно ничего неизвестно.

Деловые разговоры и обед, душевная беседа, а потом высокий гость, в некотором смысле и хозяин, завел речь о партизане, наводящем в Ровно страх на гитлеровцев. Одетый в форму немецкого офицера, тот «убивает крупных немецких заправил среди белого дня прямо на улице, украл немецкого генерала».

Цитирую и дальше из главы «Передышка» популярнейшей книги Героя Советского Союза Дмитрия Медведева «Это было под Ровно». «Рассказывая, Василий Андреевич и не подозревал, что этот партизан сидит с ним рядом за обеденным столом. Лукин (комиссар отряда. – Н. Д.) порывался было перебить рассказчика, но я дал знак ему, чтоб молчал, а Николай Иванович Кузнецов внимательно слушал Бегму. *Здесь же мы ему представили нашего легендарного партизана*» (курсив мой. – Н. Д.). Конечно, ни Дмитрий Медведев, ни въедливый Лукин, да никто из отряда не мог и предположить, откуда такая утечка. Одна лишь мысль о предательстве партийных руководителей или малейший намек на это могли показаться, да еще как бы показались, кощунственными.

Однако, как полагал боевой друг и верный помощник Кузнецова Николай Струтинский, Николая Ивановича выдали немцам свои. Подозрение, подчеркну, всего лишь подозрение, пало на руководителей городского партийного подполья и людей к ним приближенным. Только суд может установить, верна ли эта догадка, точнее версия, на достоверности которой после войны так настаивали Струтинский и группа бывших партизан. В основном усилиями капитана КГБ Струтинского были собраны четыре тома материалов расследования. Особенно интересны документы тома № 620.

Герой подполья или предатель?

В 1965 году к двадцатилетию Победы руководителю ровенского подполья Терентию Федоровичу Новаку присвоили, не без содействия секретаря подпольного обкома партии, после войны крупного партработника и секретаря обкома Василия Бегмы, звание Героя Советского Союза.

История долгая, началась еще осенью 1942-го, когда был образован подпольный штаб ЦК КП(б) Украины. Вошел в него и Василий Бегма, и в войну и после нее всячески поддерживавший Новака. Может, Бегма надеялся, что вслед за Новаком наступит и его очередь получить звездочку? Не дождался. Бегма скончался в том же 1965-м. Новак дожил до 1983 года.

Многие бойцы из отряда Медведева вместе с горсточкой оставшихся в живых подпольщиков подозревали Бегму и особенно Новака в предательстве. И после публикации Указа о награждении Новака Звездой Героя в ЦК КПСС тотчас хлынул поток писем возмущенных партизан. Они не просто предполагали, а настаивали: оба партийных деятеля контактировали с немцами. Больше того, сотрудничали с СД, выполнявшим на временно оккупированной территории СССР функции гестапо, и причастны к гибели Николая Кузнецова. Генеральная прокуратура СССР серьезно восприняла заявления группы партизан во главе с Николаем Струтинским о предательстве партийных чинов. И поручила расследование группе Олега Ракитянского.

Выводы следователя следственного отдела Управления КГБ УССР по Львовской области Олега Ракитянского, десятилетия спустя, в 1989 году, а не во время еще первого расследования обстоятельств гибели Кузнецова во второй половине 1960-х, изучавшего по высочайшему приказу ЦК КПСС все обстоятельства гибели разведчика, еще больше наводят на версию о предательстве. Итоги расследования, четко выписанные в статье Ракитянского, прорвавшейся было на страницы научного журнала (Военно-исторический архив. 2003. № 6), почему-то затерялись, словно канули в Лету. Даже сам журнал исчез, найти его удалось не без труда.

Итак, в Ровно Терентий Новак появился после оккупации в 1941 году. Многие знали Терентия – в предвоенные годы секретаря комсомольской организации небольшого городка Гоща Ровенской области, члена Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ). В тех краях, томившихся под Польшей, к коммунистам относились с ненавистью. Националисты и польская власть брали на заметку каждого. Вот и подпольная организация КПЗУ в Гоще в 1937-м была разгромлена поляками. Их служба безопасности – дефензива – арестовала почти всех подпольщиков. Кроме одного из руководителей – Новака. Возникли подозрения: не предатель ли? Но вскоре на Западную Украину пришла Красная армия: столько перемен, коренных изменений. Главное, что присоединились к Советскому Союзу. В этом вихре событий о прошлом коммуниста Новака быстро забыли.

Началась война. И Новак – ее участник. На чьей он стороне? И Ракитянский откровенно высказывает собственное мнение, основанное на результатах долгих расследований. Его точка зрения крайне неблагоприятна для Новака: на оккупированной территории «...всячески поощрялось доноительство. Любой человек, захотевший открыть свое дело или торговую лавку, автоматически становился осведомителем или агентом СД. И вот в этих условиях в г. Ровно прибывает в 1941 году Т. Ф. Новак... Новак тут же устраивается директором валеночной фабрики... И это стало возможным при том, что СД знало о членстве Новака в КПЗУ... Деятельность подполья только налаживалась, но уже к лету 1942 года стали поступать сигналы о провалах и гибели тех или иных товарищей. Прежде всего, это касалось некоторых “маяков”, через которые Новаком направлялись люди в партизанские отряды... Люди, которые направлялись через них, попадали в СД или уничтожались оуновцами... Вскоре начались массовые провалы в Ровенском подполье. СД и оуновцы ликвидировали основные подпольные группы... Больше

того, можно сказать, что к весне 1944 года из всего подполья (не путать с партизанскими отрядами. – *Н. Д.*) на Ровенщине осталась только группа Новака, все остальные были ликвидированы. Что собой представляла “группа” Новака на фабрике? Так вот, почти все рабочие считали Новака провокатором и агентом СД, но боялись об этом кому-либо сообщать. А вскоре они, почти все, были арестованы и ликвидированы или же отправлены в Германию. Со слов Н. В. Струтинского у начальника разведки отряда («Победители». – *Н. Д.*) был агент на фабрике, который и сообщал информацию о предательской деятельности Новака».

Попробуем отбросить выводы Ракитянского и взглянуть на происходившее с Новаком без всякого к нему предубеждения. В оккупированном Ровно он в открытую возглавлял единственную в городе крупную фабрику, что было абсолютно невозможно без согласия немецких властей. Ведь сажали и вешали при малейшем подозрении в связях с партизанами, с коммунистами, а тут Новак все время на виду – и ничего. Одна из задач его подпольного горкома – помощь попавшим в окружение бойцам Красной армии. Утверждали, что кого бы ни посылал Новак в партизанские отряды, все попадали в руки гитлеровцев. Искренне пытавшиеся бороться с оккупантами арестовывались. Свидетелей, понятно, осталось мало. Участвовавших в реальных операциях немцы быстро, словно по чьей-то наводке, отслеживали и расстреливали.

После освобождения Ровно Новак и Бегма рапортовали о проделанной ими большой работе. В том же 1944 году Бегма вновь занял пост первого секретаря обкома. А Новак сумел выставить себя опытным подпольщиком. В соседней Польше, куда его перебросили после освобождения советской территории, он занялся организацией подполья и наставлял поляков на своем хорошо освоенном польском. После войны вернулся в Ровно к старому другу Бегме. Настал период, когда по настоянию части партизан деятельностью Новака в годы войны интересовались следователи. Допросы велись корректно. Провал 1937 года в Гоше не затрагивался. Новака просили всего лишь отчитаться о результатах подпольной работы в Ровно с 1941 по 1944 год. На первом допросе Терентий Федорович не смог назвать ни одного уничтоженного его людьми гитлеровца. На втором не припомнил ни единого факта подпольной деятельности. Это подтверждается архивными делами № 19080 и № 19101 Ровенского УКГБ УССР. Но шума поднимать не стали. Не решились тронуть ставленника Бегмы? Не захотели связываться с партийными работниками? Обстановка в Ровенской области в то время складывалась сложная. Продолжалась борьба с бандеровцами. Она затянулась на годы. И менять лояльное к Москве и Киеву партийное руководство не хотели.

Новак тихо ушел в тень. Выжидал. И дождался Звезды Героя. Повторяю: вину, окончательную оценку устанавливает только суд, которого не было и, наверно, теперь уже никогда не будет. А работу по расследованию провели огромную.

Еще раз подчеркиваю, если основываться на выводах Ракитянского, то понятно, кто и каким образом помог СД выйти на след красноармейца Грачева – Николая Кузнецова. Общая картина гибели разведчика понятна. И ее сложно, да и ни к чему опровергать. И тогда все недостающие раньше доказательства и понятные сомнения складываются в выстроенную цепочку.

Сегодня эту версию поддерживают многие исследователи. Среди них и кандидат географических наук, сын участника Великой Отечественной войны Лев Моносов. С 2000 года он тщательно собирает и анализирует все документы, связанные с этим сложнейшим делом. Питерский исследователь уверен: Кузнецова выдали предатели из партийного руководства Ровенского подполья. Цитируемые здесь документы во многом предоставлены именно Моносовым, за что его искренне благодарю.

Не будем ставить окончательной точки и претендовать на абсолютную истину. Но, условно, версия заслуживает внимания и рассмотрения. Да, это несколько противоречит книгам ныне покойного писателя, историка разведки Теодора Гладкова, с которым мы столько

беседовали о судьбе Кузнецова. Однако ранее неизвестные факты, к тому же подкрепленные документами, постепенно открываются. История нуждается в уточнениях.

Сегодня уже точно доказано: в самом конце 1943-го у СД появились установочные данные на Кузнецова. Есть сведения, будто фашисты узнали, что в отряде этого человека называют Грачевым, якобы была у них и его фотография. Немецкие службы безопасности искали в Ровно не какого-то неведомого партизана-мстителя, а немецкого обер-лейтенанта Пауля Зиберта. Все его внешние приметы точно совпадали с обликом и манерами Николая Кузнецова.

Николай Иванович и опытейший чекист Медведев чувствовали: обер-лейтенант Зиберт под угрозой. Потому и «произвели» его в капитаны. Мастер на все руки, врач отряда Альберт Вениаминович Цессарский изготовил печать из резиновой подошвы сапога и на похищенной партизанами машинке с немецким шрифтом впечатал изменения в подлинную офицерскую книжку своего друга. Однажды Зиберт-Кузнецов, уже капитан, после проверки новых документов понял, что ищут именно его, и бесстрашно останавливал авто с фашистскими офицерами, разыскивая «одного лейтенанта вермахта».

Шаги к гибели

Немцы отступали, под Ровно отряду Медведева делать было нечего. А Кузнецову надо уходить и как можно скорее: круг сужался. Или терпеливо дожидаться прихода Красной армии вместе с партизанами?

15 января 1944 года Кузнецова с шофером Иваном Беловым и удачливым поляком Яном Каминским отправили подальше в немецкий тыл. Во Львове Николай Иванович мог бы, по замыслу большого начальства, укрыться на надежной явочной квартире. Почему приняли рискованное решение? Ведь Кузнецова-Зиберта искали, немецкие патрули ждали его на выходе из Ровно, а командовали ими не какие-нибудь нижние чины, а офицеры в звании майора, имеющие все права задерживать и лейтенантов, и капитанов.

Во Львове Кузнецову пришлось сложно. Явки провалены, верные люди арестованы или сбежали. Приказ уничтожить губернатора Галиции выполнить было невозможно: тот заболел, из Львова уехал, и мститель убил вице-губернатора Отто Бауэра и его секретаря доктора Шнайдера. А потом Николай Иванович с двумя друзьями совершил в городе без ведома Медведева и комиссара Лукина еще один акт возмездия. Проник в штаб ВВС и выстрелами в упор прикончил подполковника Петерса и ефрейтора Зейделя. После войны Лукин клялся, что такого приказа никто Кузнецову не отдавал. Петерс скончался не сразу. Успел сообщить фамилию капитана вермахта. Немцам не стоило труда понять, что это все тот же партизан, который действовал в Ровно. Приметы, манера поведения, способ атаки – совпадало всё.

На выезде из города в деревне Куровичи Зиберта уже ждали, и он с двумя бойцами чудом вырвался, убив майора полевой жандармерии Кантора и перестреляв патруль. Но машину немцы подбили, пришлось к линии фронта передвигаться пешком. И откуда было разведчикам знать, что фронт остановился.

Попали в отряд еврейской самообороны, которым командовал Олие Баум. Там Кузнецова снабдили картами, показали газеты, из которых Николай Иванович узнал, кого он убил во Львове.

Но в отряде было не отсидеться: свирепствовал тиф. Да и терпения пассивно ждать уже не оставалось. В отряде Кузнецов написал подробнейшее донесение – где, когда и кого уничтожил, подписался «Пух» (под таким псевдонимом его знали только в Центре люди Судоплатова). Положил отчет во внутренний карман кителя и с этим пакетом решил перейти линию фронта. Опять повторю: до чего же рискованно.

В направлении фронта группу Кузнецова повели проводники Марек Шпилька и мальчишка по имени Куба. Эмигрировавший в Израиль Куба рассказал об этом в 2006–2007 годах разыскивавшему его исследователю Льву Моносову.

По словам Моносова, этот уже очень пожилой человек вел себя крайне осторожно. Создалось впечатление, будто трудился в израильской спецслужбе. Даже предупредил россиянина, что поведает обо всем, но категорически запретил приводить свою настоящую фамилию, просил называть его только Куба. Сам проводник лишь годы спустя узнал, что по приказу Баума вел к линии фронта Николая Кузнецова. Хотя твердо понимал: русоволосый в немецкой офицерской форме – советский разведчик.

Тот вел себя скромно, вежливо. Когда добрался с двумя спутниками до отряда самообороны, выглядел уставшим, истощенным. Еды никто из троих не просил, но было понятно – они очень изголодались. Кузнецов улегся на двухъярусных нарах наверху, хотя ему предлагали место внизу. Попросил бумагу и карандаш, сидел у стола, писал что-то, мы теперь знаем что, до ночи при свете тускловатой свечи. Говорил о чем-то с двумя партизанами Федором Приступой и Василием Дроздовым из «Победителей», тоже оказавшимися в отряде. Один из них болел тифом, думали, не выживет, но тот выдюжил.

У прошедших всю войну Приступы и Дроздова судьба сложилась трагически. Бандеровцы не давали жить мирной жизнью. Сколько же людей, не желавших иметь ничего общего с ОУН-УПА, было уничтожено. Можно предположить, что от их рук пали и Приступа с Дроздовым. Оба участвовали в выполнении сложнейших заданий, знали много, очень много о том, кто друг, а кто настоящий враг. Вскоре после войны Василий Дроздов бесследно исчез в районе села Боратын. А Федор Приступа погиб при загадочных, так и не выясненных обстоятельствах в автокатастрофе. Кто и как налетел на его мотоцикл, осталось неизвестно.

Но вернемся в год 1944-й. Перед уходом из отряда еврейской самообороны Кузнецов дал Олие Бауму расписку. Мол, в отряде приняли, напоили-накормили, отправляют по его просьбе в дорогу с проводниками. Грачев очень просил Баума передать Медведеву, что во Львове он задание выполнил и вместе с двумя товарищами по отряду во что бы то ни стало попытается перейти линию фронта, попасть к своим. Разведчику дали карты, по которым можно было как-то ориентироваться.

Был ли командир отряда еврейской самообороны на связи с Центром? Сказать сложно, похоже, отдельные поручения выполнял. Известно, что Медведев помогал таким отрядам самообороны, чем спас немало людей, обреченных фашистами на смерть. Отсюда и доброжелательный прием, Кузнецову со спутниками оказанный.

Они покинули отряд не 13 февраля 1944 года, как считалось раньше, а только 17-го. В тот день поднялась в лесу настоящая буря. И опытный разведчик Кузнецов понимал: уходить надо именно в пургу. Следы затеряются, да и кто сунется в лес в такую жуть. Проводники согласились.

И с 17 февраля по 8 марта 1944 года Кузнецов с двумя бойцами бродил по лесам с секретнейшим докладом. Ошибка? С первого взгляда – да. Но партизаны-медведевцы так не считали. Объясняли действия Кузнецова по-своему. У Николая Ивановича оставалось мало шансов выжить. Написал отчет, ибо понимал, что если даже эта бумага попадет в руки немцев, то все равно исход войны ясен и со временем обо всех его деяниях узнают свои. В конце концов так и произошло – Медведев отыскал отчет во Львове в захваченных Красной армией архивах нацистов.

А Бауму Кузнецов сказал, что если проводники выведут их поближе к фронту, то они с ребятами будут пробиваться. Или, может, пойдут в одно из сел, где его должны ожидать несколько партизан из «Победителей» с радисткой. Тогда постараются связаться с Большой землей и вызвать самолет.

Смерть в Боратыне – не только версия

Даже название местечка, куда спешил Кузнецов с двумя друзьями, пишется по-разному – Борятино, Баратино, будем считать, что Боратын. Рвался туда Николай Иванович не случайно. Именно в этом селе находился, как считал Кузнецов, зеленый маяк, там и должна была ждать его радистка Валентина Дроздова, направленная в Боратын из отряда Медведева. И откуда знать Кузнецову, что вспомогательная группа партизан во главе с Борисом Крутиковым (с ними была и радистка) попала в засаду – и нет теперь никакой радиостанции, да и Дроздова погибла. А партизан рассеяли. Выставить в селе маяк не удалось, какой уж тут вызов самолета.

Дмитрий Медведев писал, что с Кузнецовым условились: в случае, если с отрядом «Победители» встретиться не удастся, то все трое должны разыскать группу Крутикова и остаться с ней. Не выйдет – перейти самостоятельно линию фронта. Не получится – уйти в подполье и ждать прихода Красной армии. Николай Струтинский, соратник Кузнецова, считал главным виновным в неудаче Бориса Крутикова. Тот приказа не выполнил. Должен был обеспечить выход Кузнецова из Львова, охранять его в пути. Но ничего не получилось.

Что ж, у каждого есть право на собственное мнение, а уж у Николая Владимировича Струтинского – тем более.

И опять высказывается подозрение: группу и радистку выдал предатель – бандеровец.

Есть две версии смерти разведчика.

Первая: Кузнецов убит 2 марта 1944 года в бою с бандитами из УПА в лесу около села Белгородка Вербского (теперь Дубновского) района Ровенской области и похоронен в селе Мильче поблизости.

Вторая: Николай Иванович и его друзья погибли 9 марта 1944 года в селе Боратын Подкарпатского (ныне Бродовского) района Львовской области в хате Степана Голубовича в схватке с бандеровцами. Чтобы не попасть в руки извергов живым, разведчик подорвал себя гранатой. Причем не противотанковой, как почему-то считалось раньше. Нет, подорвался «лимонкой». Николай Иванович постоянно брал эти гранаты на задания, они всегда были при нем и его группе.

И чем глубже вгрызаюсь я в трагическую историю Героя, тем ближе к истине видится мне вторая версия. Кроме телеграммы, отправленной немцами только 2 апреля 1944-го в Берлин о задержании, заметьте, «задержании трех советско-русских шпионов», никаких следов гибели Кузнецова в селе Белгородка обнаружено не было. Зато в телеграмме приводится обещание представителей УПА о том, что если немецкая «полиция безопасности согласится освободить госпожу Лебедь (жена одного из главарей УПА. – *Н. Д.*) с ребенком и ее родственниками, то группа ОУН-Бандера будет направлять мне гораздо большее количество осведомительного материала». Телеграмма подписана оберштурмбаннфюрером СС доктором Витиска.

Похоже, что бандеровцы, убившие Кузнецова, попытались затеять с немцами свою игру. В обмен на «задержанных» и найденный при одном из них (Кузнецове. – *Н. Д.*) отчет они хотели добиться поблажек для семейства Лебеда. Ведь Кузнецов, и бандиты это знали, был убит, а его секретное донесение находилось у них. Отсюда и сознательное временное смещение. Кузнецов нужен был службе безопасности – СД – живым. И, давая немцам надежды, что скоро они сами смогут допросить неуловимого Зиберта, бандеровцы затеяли торг. Вполне в их стиле и в позорном духе.

Именно эту телеграмму отыскал во львовских архивах Дмитрий Николаевич Медведев. Что и дало ему право написать в книге «Это было под Ровно» о гибели Кузнецова и двух его товарищей в селе Белгородка 2 марта 1944-го. Не мог же Медведев, нашедший телеграмму, предположить, что события развивались совсем по-иному. Свидетельства, добытые позже, уже

после смерти Дмитрия Николаевича, не буду писать «опровергают», дают нам совершенно другую версию, но всего лишь версию, гибели его боевого друга.

Сила этой версии в документальности, в тщательной выверенности. Война закончилась, советские спецслужбы безопасности взялись за установление истины, имея на руках гораздо больше документов. Ведь как, к примеру, можно было допросить в 1944-м, даже в 1945 году еще не пойманных бандитов из УПА?

Мы же постараемся подробно восстановить трагические события, произошедшие в ночь на 9 марта 1944 года. С документальной точностью описывает их специальная оперативно-следственная группа чекистов из трех соседних районов Львовской области, расследовавшая с 1958 по 1961 год все обстоятельства гибели Кузнецова и его товарищей. Для этого были допрошены все оставшиеся в живых участники событий: и жители села, и к тому времени арестованные бандиты из УПА. Теперь можно огласить результаты расследования.

Николай Иванович Кузнецов в форме немецкого офицера, но с содранными погонами, Ян Станиславович Каминский и Иван Васильевич Белов добираются до Боратына. Выходят из леса. Подходят к хате на окраине села. Свет не горит, и двое, именно двое, стучат в дверь, затем в окно, и Степан Голубович их впускает. Хозяин запомнил дату точно: «Это было на женский праздник – 8 Марта 1944-го».

Тут, правда, возникает у меня сомнение. Мог ли знать простой крестьянин, живший в регионе, лишь незадолго до войны присоединенном к СССР, о таком празднике? И нет на это ответа. Может, узнал об этом после войны, когда давал показания. Привязка трагических событий к празднику 8 Марта в 1944 году достоверностью не блещет.

Но зато как точно описывает Голубович «гостей». В наблюдательности и памяти ему не откажешь: «Оба были одеты в форму военнослужащих немецкой армии... Один из них был выше среднего роста, в возрасте 30–35 лет, лицо белое, волос русый, можно сказать несколько рыжеватый, бороду бреет, имел узкие усы. Его внешность была типична для немца. (По этому описанию в «немце» угадывается Кузнецов. – *Н. Д.*) Разговор со мной вел в основном он. (Сначала на немецком, изредка даже на пальцах, потом – на русском. Кузнецов оставался в образе Пауля Зиберта. – *Н. Д.*) Второй был несколько ниже его, несколько худощавого сложения, лицо черноватое, волос черный, усы и бороду бреет». Наверняка это был Каминский.

Голубович справедливо замечает, что как немцы «могли пойти ночью через лес, если они боялись его пройти днем». Вошли, сразу попросили закрыть ставни. В хате – темнота. В доме кроме Степана его жена с сыном и дочкой, старенькая мама.

Неизвестные попросили поесть, сели за стол, тускло, но освещенный керосиновой лампой. Жена Голубовича принесла хлеб, молоко, картошку. Пришельцы, было видно, изголодались, быстро принялись за еду.

Минут через сорок «...в комнату вошел вооруженный участник группы УПА “Черногоры”, кличка которого, как мне стало известно позднее, “Махно”¹, – дает показания Голубович. – ...Не приветствуя меня, сразу подошел к столу. Затем подошел ко мне, сел на койку и спросил меня, что за люди. Я ответил, что не знаю. И через каких-то минут пять начали заходить другие участники УПА. Вошло человек 8, а может, и больше...»

Кузнецов по-прежнему сидел за столом. Спокойно поздоровался, вступил в беседу. Сразу спросил: кто вы такие? Бандеровцы отрезали: «Мы из УПА, ваши документы». И разведчик резко ответил, что это не по закону, не имеете права останавливать немецких офицеров, проверять документы.

¹ *Махно* – он же Михаил Степанович Карпий – руководитель группы УПА. Родился в 1921 году в селе Кауты Бауского района Львовской области. В период оккупации служил в полиции, затем перешел в УПА. В октябре 1944-го по неподтвержденным данным убит при переходе линии фронта.

Кто-то из бандеровцев вышел из хаты. Как стало позднее известно Голубовичу, запросил подмогу и в ту же ночь в село ворвался отряд УПА. Бандит вернулся. Снова пошел разговор – жестокий, бескомпромиссный. Трижды бандеровцы требовали поднять руки вверх, но неизвестные отказались и рук не поднимали...

Нависла пауза. Тишина была тревожной. Прошло около получаса. Ситуация понятна: Кузнецов и его товарищ попали в положение безвыходное. Николай Иванович вроде бы стал искать зажигалку, потом попросил прикурить, что-то сказал своему спутнику, тут рухнул на пол под койку, и Кузнецов, приподнявшись, ударил по лампе. Бандеровцы бросились врассыпную: увидели в руках «немца» гранату. Попытались выбраться из хаты и не смогли: дверь открывалась вовнутрь. Раздался взрыв гранаты, которую успел привести в действие Кузнецов. Он пошел на смерть, уложил двух (или одного) бандеровцев, ранил еще нескольких, которых потом отвезли в соседнюю деревню.

А раненый спутник офицера, считаем, что это был Каминский, воспользовавшись суматохой, схватил портфель, выбил оконное стекло и выпрыгнул в темень. По нему тотчас открыли огонь. Стрельба, вспоминает Голубович, продолжалась минут пять. Уйти от бандитов не смог. Соседка Степана Голубовича уверяет: бандеровцы отыскиали беглеца, раненного в руку, в стогу сена неподалеку. Провели через село. Больше живым его не видели.

Но вернемся к Кузнецову. Истекая кровью, Николай Иванович прополз несколько метров до двери, а из разорванного живота, как свидетельствуют Голубович и его жена, тянулись, тянулись по полу хаты кишки. Он был ранен в лоб, в грудь и в живот. После взрыва гранаты правая кисть оторвана, но, как говорят Голубович, его жена Текля и сын Дмитрий, 1931 года рождения, бился за жизнь до конца, пытался доползти до порога. Через несколько минут он скончался. Это же подтвердили на допросах соседи Голубовича – Федор Кондратьевич Струха, 1905 года рождения, и Николай Громяк. Их показания во всем сходятся. Пятеро свидетелей подтверждают картину гибели, приводя убедительные доказательства. Никаких оснований ставить картину происшедшего под сомнение нет.

А вот и свидетельские показания с чужой стороны. После войны был пойман активный участник УПА Куманец, известный по кличке «Скиба». Он скрывался под фамилией Зозуля. «Скиба» – один из тех, кто в ту ночь пытался арестовать «гостей» из леса. Его показания исключительно ценны. Если верить бандиту, в хату бандеровцы заглянули случайно. Надо было где-то заночевать, увидели тусклый свет в оконце. Зашли и поняли, что наткнулись на советских шпионов. «Скиба»-Куманец был тяжело ранен взрывом гранаты.

Верить ли «Скибе», что «заглянули случайно»? Какой был смысл выдавать своих? Потянулась бы ниточка, а за ней новые вопросы. Есть значительная вероятность, что на хату Голубовича бандеровцев навели. Но кто?

Сразу после взрыва гранаты Голубович схватил дочку, побежал к соседям, которые его спрятали. Но бандеровцы уже знали, что в хате у Голубовича скрывались никакие не немцы, а переодетые в их форму партизаны. Степана и его семью должны были казнить за связь с ними. И тут Голубовичу вновь повезло. Его сосед Семенюк, которому нелюди из УПА доверяли, поклялся: Голубович не виновен, он за него ручается. И Степана не тронули.

Утром Голубович увидел человека, убитого в хате. Он лежал на холодной земле лицом вниз. Бандеровцы, в этом не может быть никаких сомнений, обыскали труп, нашли отчет Кузнецова – «Пуха».

Вскоре после гибели разведчика вошли в село немцы. Услышали, что в Боратыне убили офицера вермахта. Не разобравшись, приказали село сжечь, ворвались в одну из хат, схватили кого-то из УПА и тут же расстреляли.

И только тогда начальники из УПА доложили немцам о захваченном ими секретном документе. Фашисты его взяли, обещали выполнить просьбы бандеровцев смягчить режим содержания одного из главарей – Лебеда. И хотя тому и без этого в лагере жилось нормально,

Лебедею и его семье немцы помогли. Тот период характерен еще более тесным сближением гитлеровцев с ОУН-УПА. В сентябре 1944-го после беседы Бандеры с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером украинские националисты получили от немцев оружие для борьбы против общего врага – Красной армии. И даже когда фашисты всю драпали от наших из Польши, Бандеру они не бросили. Спасать бандита поручили главному головорезу Рейха Отто Скорцени. Об этом сам диверсант свидетельствовал на Нюрнбергском процессе: «Это был тяжелый маршрут. Я тащил Бандеру по радиомаякам, которые были оставлены в тылу войск вермахта в Чехословакии и Австрии. Гитлер приказал доставить Бандеру, чтобы тот продолжал работу». Насколько же связаны были главари фашистов с Бандерой, как им дорожили.

Но вернемся в Боратын. За село шли кровопролитные бои, оно несколько раз переходило из рук в руки. Кузнецова долго не хоронили. Март выдался снежным. И тело Николая Ивановича засыпали снегом. Так он и лежал, земле не преданный.

Бандеровцы сопротивлялись отчаянно. В этих местах они были сильны. И все равно немцев и УПА из села выбили.

Кузнецова похоронили. По свидетельству очевидцев – с почестями. Но в суматохе большой войны, в весенние месяцы таяния снегов, в сложный период, когда бандеровские недобитки держали в страхе любого, мало-мальски заподозренного даже не в симпатии, а в лояльности к советской власти, провести эксгумацию захороненного героя не смогли. Могилу отыскиали лишь после Победы. На поиски захоронения у лейтенанта госбезопасности Николая Струтинского ушел целый год.

В отряд Медведева вся семья Струтинских пришла в середине сентября 1942-го – отец, мать, трое сыновей с детьми. Командовал этой семейной группой партизан один из сыновей – Николай. Со временем бывший шофер стал надежным соратником, спутником, хранителем Кузнецова. Участвовал в большинстве его операций, совершая вместе акты возмездия.

А Степан Голубович знал, где покоятся останки Кузнецова. Но молчал. Укажи он чекистам могилу, и бандеровцы его бы не пощадили. С бандитами он связан никак не был, и за содействие советской власти его да и всю семью националисты бы растерзали.

Струтинскому пришлось разыграть хитрую комбинацию. К могиле его вывел бандеровец. Потребовал за это такое, на что власти никогда бы не пошли. А Струтинский на свой страх и риск согласился, обещал помочь и слово сдержал.

Мешали Струтинскому и тогдашние партийные секретари Львовского и Ровенского обкомов. Страшали: все равно не докажешь, что это Кузнецов. Даже череп друга Николаю Владимировичу долгое время пришлось хранить дома. Но однажды в квартире Струтинского раздался телефонный звонок. Его предупреждали: люди из ОУН-УПА узнали, что череп хранится у вас в столе, могут похитить.

Но тогда конец всем попыткам доказать, что принадлежал он именно Кузнецову, убитому в Боратыне. И Струтинский, так до конца дней своих и не узнавший имени предупреждавшего, быстренько переправил череп в служебный сейф своего друга, следователя Рубцова. Были ли попытки выкрасть череп из квартиры Струтинского? Неизвестно.

По признанию Струтинского, он ненавидел тех, кто сразу после Победы пытался дать «националистические трактовки войны». Повторял: «Некоторые называют Кузнецова террористом. Но ее Величество История чтит точность. А еще – справедливость. Я ходил с Кузнецовым в разведку, каждый раз – на верную гибель. И пока дышу, буду до конца оставаться живым свидетелем доброго имени нашего разведчика – сына народа российского, сына народа Украины».

И все же для полноты картины приведу точку зрения Адолия Ливача. Бывший житель Львова, переехавший в Магадан, не согласен с тем, что Кузнецов погиб от рук бандеровцев. Считает, что «случай не представился, – пишет он. – Это я говорю не ради их оправдания, а ради приближения к истине». Ливач ссылается при этом на «Летопись УПА». В ней, изданной

еще в 2012 году, 27 томов, в которых приводятся все столкновения бандеровцев с немцами, с польскими и нашими партизанами, подразделениями Красной армии. А вот эпизода гибели Кузнецова там нет.

А по-моему, и в этом прослеживается определенная бандеровская линия. Нет им резона выдавать тех, кого мы считаем замаскировавшимися предателями, а оуновцы – героями.

Истина

17 сентября 1959 года была проведена эксгумация неизвестного в немецкой форме, похороненного на окраине Боратына. Опрошены брат и сестра Кузнецова, его друзья из отряда «Победители». Проведены судебно-медицинские исследования. Все указывало на то, что «неизвестный мог быть Кузнецовым». Подтвердил это и врач «Победителей» Альберт Цесарский, присутствовавший при эксгумации. Кому, как не доктору, почти полтора года прожившему в одной землянке с Кузнецовым, было понять: да, это Николай Иванович.

До этого гипотеза о том, что Кузнецов взорвал гранату, отвергалась. Но провели баллистическую экспертизу и так называемую взрыво-техническую экспертизу. Это и помогло установить: кисть руки оторвана в результате взрыва гранаты. Совсем не обязательно, что граната была противотанковой.

И все равно доказательств, по мнению местных властей, не хватало. Однажды Струтинскому так и сказали: ведь у этого, найденного, нет с собой паспорта. И тогда по совету сестры Кузнецова Лидии он обратился в Москве к знаменитому ученому, заведующему лабораторией пластической реконструкции Института этнографии Академии наук СССР Михаилу Михайловичу Герасимову. И через две недели тот выдал официальное заключение: «Представленный на специальную экспертизу череп действительно принадлежит Кузнецову Н. И.».

На этом можно было бы поставить точку. Однако не получилось. Эпопея с новым опознанием тела Николая Ивановича Кузнецова продолжалась. По настоянию по-прежнему сомневавшихся в августе 1988 года была проведена еще одна судебно-медицинская экспертиза. На кладбище в селе Мильче вскрыли могилу с останками трех неизвестных. Тщательное исследование продолжалось больше трех месяцев. Комиссия пришла к заключению, изложенному в документе № 216 от 10 декабря 1988 года: «Представленные на исследование останки скелетов имеют существенные различия с личностями Кузнецова Н. И. и его товарищей».

На этом и завершу эту часть главы: результаты исследования опровергают версию о том, что Кузнецов с друзьями погибли в бою с бандеровцами недалеко от Белгородка и похоронены в могиле в селе Мильче.

Могли расстрелять и свои

Неудавшиеся покушения на рейхскомиссара Украины Эриха Коха – очень сложная страница в судьбе разведчика-мстителя Кузнецова. Хотя моменты простые встречались в его жизни разве что в детстве. Отчасти справедливо считается, что основной задачей «Грачева» – «Пуха» в спецподразделении «Победители» было совершение акта возмездия над Кохом, причастным к уничтожению на Украине четырех (!) миллионов человек. 2,5 миллиона были вывезены на принудительные работы в Германию.

Его бесстыдные лозунги, жесточайшие высказывания, растиражированные доктором Геббельсом, приводились в пример, как образец идеального понимания и осуществления целей нацистской Германии: «Украинцы – это оскотинившиеся русские, которые за идею Украины готовы зарезать даже собственную жену. Они – идеальные борцы против Красной армии, но после подлежат тотальной санкции, как самые страшные варвары». Или еще одна цитата: «Мне нужно, чтобы поляк при встрече с украинцем убивал украинца и, наоборот, чтобы укра-

инец убивал поляка. Нам не нужны ни русские, ни украинцы, ни поляки. Нам нужны плодородные земли... Кто верит, что может добиться у славян благодарности за мягкое обращение, тот формировал свои взгляды не в Н.Д.П, а в каких-то интеллигентских клубах». Даже министр восточных оккупированных территорий Альфред Розенберг испугался таких откровенных высказываний и попробовал через личную канцелярию фюрера пожаловаться на Коха: «Если украинцы повернутся против немцев, это будет результатом политической деятельности рейхскомиссара Коха». Гитлер эту жалобу проигнорировал.

Ясно, что Адольф ценил неистового нациста Коха. Еще в 1933 году по приказу пришедшего к власти Гитлера в его личное распоряжение передали членские билеты нацистской партии с номерами от 1-го до 100-го. Билет № 90 вручили Эриху Коху. В голове у фюрера крутилась зловещая идея. После падения Москвы Кох назначался рейхскомиссаром всей России. Режим на этой территории, населенной недочеловеками, должен был быть еще более безжалостным, чем на других завоеванных землях.

Не сбылось. А Кох вдобавок ко всему оказался трусом. Биться с Красной армией – это не убивать беззащитных. И когда в марте 1945-го палач со своим штабом оказался в осажденном Кенигсберге, он бежал оттуда с группой своих нацистских сатрапов. На самолете поместилось и награбленное на Украине. Потом Кох на ледоколе «Восточная Пруссия» доплыл до немецкого городка Засница, из него – до Копенгагена и, наконец, оттуда прибыл в Фленсбург. Мало кто помнит, что в этом северном германском городе в самые последние дни Второй мировой войны обосновалось последнее нацистское правительство, просуществовавшее девять дней. Обнаглевший Кох потребовал от его главы Карла Деница предоставить подводную лодку, которая доставила бы его в Южную Америку. Но гросс-адмирал Дениц никакой лодки Коху не дал.

Тем не менее одному из самых безжалостных руководителей Третьего Рейха повезло. Кох под чужой фамилией и с фальшивыми документами обосновался в зоне союзной оккупации и, возможно, так бы и не был пойман, если бы не его всегдашняя, переходящая всякие границы наглость. В 1948 году выступил на сборище фашистских недобитков с хамской речью, был опознан и арестован англичанами. Некоторое время спустя те передали его советским союзникам.

И тут начинается странное: Советский Союз отдал палача полякам за преступления, совершенные Кохом на их территории. В Польше лет десять тянули с судом, только в 1959 году убийцу приговорили к смертной казни. И вдруг сами же мерзавца и помиловали «из-за слабого здоровья». С этим «слабым здоровьем» нацистский преступник Эрих Кох дожил до 90 лет, умерев в старинной польской тюрьме в 1986 году. Пол камеры был устлан коврами, палач часами смотрел телевизор, его выпускали на прогулки. Он грубил охране. До последних дней своих оставался подлым наглецом, не отступившим от изуверских взглядов.

Мне был непонятен наш жест: почему палача Коха отдали Варшаве? Недавно получил неофициальное разъяснение. В те годы мы с Польшей не только вроде как дружили, но и заигрывали. Передача Коха, уничтожившего десятки тысяч поляков, должна была быть воспринята союзниками по соцлагерю как жест доброй воли. Судите преступника, убивавшего ваших соотечественников. Поляки судили, но по-своему. По существу простили убийцу миллионов невинных людей.

Вот на этого ублюдка и охотился Николай Кузнецов. Первая попытка уничтожить рейхскомиссара на параде в честь дня рождения Гитлера не могла увенчаться успехом. Кузнецов должен был стрелять в Коха прямо из толпы, но тот на парад не явился. Затем обер-лейтенант Зиберт добился личной аудиенции у Коха. 31 мая 1943 года Николай Иванович готовился пожертвовать собственной жизнью, но охрана была столь бдительна, продуманна, что даже достать пистолет из кобуры, не то что выстрелить, физически не представлялось возможным.

После неудачи с покушением на Коха Кузнецов вернулся в отряд. За невыполнение задания его арестовали. По некоторым данным, хотели даже расстрелять. Объяснения Николая Ивановича, что совершить акт возмездия было нереально, не убедили командиров. Медведев

был настроен серьезно. К этому вынуждали особые обстоятельства. Жалость и мягкотелость в некоторых случаях могли погубить весь отряд.

В период одной из редких передышек Медведев с Лукиным почувствовали, что дисциплина в отряде, особенно среди бойцов, присоединившихся к «Победителям» уже под Ровно, стала падать. Люди маются без дела, ищут ненужных приключений, изредка, но вступают в конфликт с местными жителями. Пошел слухок – даже мародерствуют. Проверили двух парней и обнаружили у них золотое кольцо с бриллиантом. Откуда? В объяснениях оба путались, получалось вроде как «это я мстю». Двух мародеров поставили перед строем и расстреляли. Больше случаев мародерства в отряде не было. Не зря бойцы отряда не только уважали, но и побаивались Медведева, называя его «железным полковником».

Арестовав Кузнецова, Медведев запросил шифровкой Центр, что делать дальше. Помимо непосредственного начальника Зиберта генерала Судоплатова, с радиোগраммой ознакомился первый заместитель наркома безопасности Богдан Кобулов, стоявший по служебной лестнице повыше. Видимо, были у него какие-то собственные источники информации. Резолюция Кобулова – расстрельная: ваш Кузнецов пьет водку, развлекается с девками и вообще давно снюхался с немцами.

И кто знает, как бы поступили с Зибертом, не вступись за него Павел Анатольевич Судоплатов. Его трудно заподозрить в излишнем добродушии. Бывший нелегал, лично «уложивший», как говорят на профессиональном жаргоне, создателя и руководителя ОУН полковника Евгена Коновальца, знал по собственному опыту, что такое ликвидация круглосуточно охраняемого объекта. К тому же Кузнецов был очень нужен Судоплатову не только для уничтожения Коха. Именно Николаю Кузнецову предстояло определить, где находится ставка Гитлера, что он и сделал, сообщив: она в Виннице. К тому же в 15-минутном разговоре с Зибертом Кох проговорился, назвав главное направление немецкого удара летом 1943 года: под Курском будет большая битва, которая перевернет ход войны и сломает хребет «Ивану». Есть и еще одна не до конца изученная страница в деятельности разведчика-нелегала. С помощью Лидии Лисовской он пытался собирать сведения о секретных испытаниях немецкого сверхоружия. Думается, речь не об атомной бомбе, а о созданных Вернером фон Брауном снарядах ФАУ-2. Данные об успешной работе над ними тоже пришли в Центр из ровенских лесов.

И по планам Судоплатова сделать Зиберту предстояло еще немало. Рассматривался вариант физического устранения фюрера. Один из наиболее реальных исполнителей акта возмездия – тот же Кузнецов. Правда, Сталин долго не решался отдать команду на уничтожение фюрера. В конце концов, эту акцию Иосиф Виссарионович запретил. Не без основания опасался, что убьют Адольфа и его окружение бросится договариваться с англичанами и американцами о сепаратном мире. Кроме того, Сталин уже тогда планировал организовать международный суд над главарями Третьего Рейха, на котором Гитлер должен был стать главным обвиняемым.

После неудачи с покушением на Коха Кузнецов не ожидал ареста. Он был удручен, глубоко обижен, но не сломлен. Да и когда в Москве проанализировали сведения, полученные Зибертом в разговоре с Кохом, расстрельные настроения спали. Пусть и косвенно, но фашист дал понять офицеру вермахта: ваше место не в тылу, а на фронте, где в районе Курска назревают серьезнейшие события. Информация Николая Ивановича была подтверждена сообщениями других разведчиков – наших и иностранных. О событиях, вошедших в историю под названием величайшего и победного сражения Второй мировой войны – на Курской дуге, помнят и сегодня.

Кузнецов спас от немцев, Медведев – от ГУЛАГа

Олег Ильич (Арон Эльевич) Чеповский (1915–1986) – еще один подопечный разведчика Кузнецова. Окончив военное училище, Чеповский начал войну в 1941 году в звании лейтенанта. В сентябре командир артиллерийской батареи был ранен в бою близ Невеля и попал в плен. Через неделю немцы его расстреляли. Яму, куда сбросили тела, лишь прикопали землей: на завтра гитлеровцам предстояло продолжить свое черное дело. И тут чудо – Чеповский пришел в себя, выполз из расстрельной ямы. Его, израненного, с перебитой кистью, прятали добрые люди. Долгое время скитался. В 1942 году добрался до Луцка.

Тут ему снова повезло. Каким-то образом он встретился с Пашей (Прасковьей) Савельевой – уникальной девушкой, после института распределенной в Луцк и так города не бросившей. Она не хотела отсиживаться, выжидать. Организовала подпольную группу вместе с другими патриотами – братьями Вячеславом и Виктором Измайловыми. А когда Виктор Измайлов погиб, стала ее командиром. Сумела связаться с отрядом Медведева, чьи поручения всегда выполняла.

Паша Савельева и ее люди лечили раненого Чеповского. Прятали от немцев и украинских националистов у надежных друзей. Изготовили для Чеповского документы – он стал украинцем Алексеем Харченко. Но долго оставаться на явочной квартире стало небезопасно. Пришла пора перевести лейтенанта в другое место. Вечером и ночью – никак нельзя: действовал комендантский час. Путь предстоял долгий. Решили, что днем безопаснее, сопровождала его Паша Савельева.

Но Чеповского, как только он вышел на улицу, выдали две девки – немецкие подстилки. Начали орать, и как назло быстро подоспели полицаи. Ситуация накалялась, Чеповского окружили. Собравшаяся толпа готова была растерзать пленника – еврея. Полицаи схватили Чеповского. За арестами подобного рода следовал расстрел. А тут начался самосуд. «Доброvolьцы»-националисты избивали Чеповского смертным боем.

Но в рубашке родившегося Чеповского спас немецкий офицер. От этого наглого истукана веяло таким холодом. Он смотрел на полицейских с презрением истого арийца. Процедил сквозь зубы дерзко, зло: «Болваны... Его знают все наши. Отпустить» – и пальцем брезгливо показал на Чеповского, уже мысленно попрощавшегося с белым светом. Окаменевшие полицаи подчинились безропотно. Этот фриц мог и пристрелить. Коротко процедил, обращаясь к пленнику: «Пошел за мной». И увел от смерти.

Каким образом оказался рядом с Чеповским Пауль Зиберт? Да, это был он, самоуверенный, жесткий, решительный офицер вермахта. Возможно, страховал людей Савельевой, присматривал. И проявил себя в нужный момент? Или Чеповскому просто повезло? Скорее второе. Никаких свидетельств того, что заранее предупрежденный Кузнецов прикрывал Савельеву и ее подопечного, нет.

Вот как описывает боевой эпизод по рассказам самого Чеповского его сын Валерий: «В этот самый момент к полициям подошел немецкий офицер, который на ломаном украинском языке в жесткой форме потребовал от полицейских немедленно освободить моего отца, а толпу разойтись. Офицер заявил полициям, что мой отец ему знаком, т. к. работает у него в качестве слуги, он его знает, и он украинец по национальности.

Полицаи и толпа не могли ослушаться приказа немецкого офицера, и мой отец таким образом был спасен от смерти... Он благополучно добрался до места, где продолжал укрываться и лечиться. Как стало впоследствии отцу известно от подпольщиков г. Луцка, спасшим его немецким офицером был советский разведчик Николай Иванович Кузнецов».

Потом Чеповский был у Николая Ивановича на связи. В Луцке добывал бланки гитлеровских документов, образцы печатей, топографические карты.

Не раз участвовал в Луцке и Ровно в рискованных операциях вместе с Кузнецовым и Струтинским. Однажды Савельева и Чеповский получили через спасителя Кузнецова задание от Медведева. На станцию Узловая, между Луцком и Ровно, привезли из Рейха химическое оружие. Один, хотя бы один снаряд надо доставить в распоряжение отряда.

Чудом, опять каким-то чудом, задание выполнили: «Скрытно подошли к тому месту, где по нашим расчетам должен был находиться часовой. Вышли на него точно, – по-военному коротко, без прикрас – таков уж его стиль, описывает сложнейшую операцию Чеповский. – Стремительный бросок – и бездыханное тело фашиста с глухим стуком падает на землю... Вся операция заняла несколько секунд». Снаряд похитили, и Чеповский добрался с ним до медведевцев. А дальше по приказу командира перешел со снарядом через линию фронта, отдал нашим, потом снова вернулся в отряд. За проведение успешной операции награжден. Но разведчик особенно гордился другим: «За это командир отряда Д. Н. Медведев вручил мне часы».

А когда в Луцке оставаться стало опасно, Медведев взял его в свой отряд. Вот что пишет в характеристике Чеповского бывший командир «Победителей»: «Находясь в отряде, Чеповский участвовал в боевых операциях против гитлеровцев и банд предателей, а также вновь посылался командованием отряда в гор. Луцк – на связь с подпольем, когда эта связь почему-либо прерывалась. Награжден орденом Красной Звезды, медалью “Партизан Великой Отечественной войны” 2-й степени».

Кузнецов сам подбирал бойцов, которые должны были прикрывать его при похищении генерала Ильгена. В числе наиболее надежных выбрал и Чеповского. А помимо прочего, Николай Иванович ценил в подчиненных знание языков. Чеповский говорил на украинском, польском, немецком. Описание Чеповским акта возмездия, совершенного над генералом, поражает простотой, за которой скрывается продуманная жестокость. С палачами не церемонились: «Подъехал генерал. Отпустив машину, вошел в дом. Его сбили с ног, скрутили и затолкали в нашу машину. Но до отряда довести не сумели. СД перекрыла все выезды из города. Фашистского палача мы расстреляли после допроса с пристрастием (честное признание. – Н. Д.) на одной из конспиративных квартир. Тело сумели спрятать и ночью закопать на одном из пустырей города».

Чеповский не без оснований называет машину, на которой разъезжал Кузнецов, «нашей». Угнал ее именно он.

Когда Ровно освободили, большинство некадровых бойцов отряда влилось в состав Красной армии. Чеповский еще повоевал, а затем вдруг его вызвали в особый отдел. А после – трибунал. Ему не поверили. Какой партизанский отряд? Какая Савельева? Был в плену, болтался несколько лет неизвестно где. Кавалера боевого ордена Чеповского ждал лагерь.

Необыкновенно после войны популярная книга Медведева «Это было под Ровно» добралась даже до ГУЛАГа и попала на глаза Чеповскому. Загадка, однако, как его письмо по адресу «Москва, партизанскому командиру и писателю товарищу Дмитрию Николаевичу Медведеву» нашло адресата. Все-таки где-то и в чем-то Чеповский был везуч. Завязалась переписка. И Дмитрию Николаевичу удалось вытянуть своего бойца на свободу. После он был полностью реабилитирован. В его доме в Уфе хранилась книга «Сильные духом» с дарственной надписью «Бывшему бойцу и разведчику отряда – Олегу Чеповскому от б. к-ра и автора. Дмитрий Медведев. 12.IX. 51 года. Г. Москва».

С Пашей, по-настоящему Прасковьей, Савельевой было гораздо хуже. Немцы ее арестовали. Она молчала и под пытками. Нацарапала чем-то на стене кельи, превращенной в камеру, последние слова: «Приближается черная, страшная минута! Все тело изувечено – ни рук, ни ног. Но умираю молча. Как хотелось жить!» Никого не выдала, навсегда уходя, верила в победу. 12 января 1944 года немцы и украинские националисты сожгли ее заживо во дворе тюрьмы. До освобождения Луцка Красной армией оставалось три недели.

А Чеповский, спасенный Пашей и Кузнецовым, остался жить.

Верить – не верить?

3 июня 2017 года на книжной ярмарке на Красной площади я рассказывал читателям о героях своих книг. Несмотря на ненастную погоду, разбитый прямо на брусчатке шатер был полон народа. В этой густой толпе я заметил очень немолодого человека лет эдак под девяносто. Аккуратнейше, не без некой нарочитой старомодности одетый, он внимательно слушал и сопереживал.

А когда пришла пора задавать вопросы, потянулся за микрофоном. Сказал, что у них в деревне под Винницей останавливался Николай Кузнецов, которого он хорошо запомнил. И я попросил читателя ни в коем случае не уходить, остаться. После выступления мы разговорились. «Доктор Медвецкий Анатолий Иванович, – представился он. – Долгие годы работал в Кремлевской больнице, оперировал. Потом ухудшилось зрение, и занялся проблемой долголетия. Помогаю людям жить подольше». Подарил свою книгу «Советы доктора Медвецкого», напомнил, что раньше вел передачу о здоровье в программе «Добрый вечер», но сейчас ему 90, и, понятно, об этой передаче мало кто помнит.

Зато Анатолий Иванович помнил Николая Кузнецова. Я постараюсь привести его рассказ полностью, а выводы сделать чуть позже. Итак, слово доктору Медвецкому:

– Вторая половина 1942 года, мне было тогда 13. По Украине всюду расхаживали немцы. Чувствовали себя уверенно. Это потом, уже к 1943 году, когда партизаны набрались силенок, они боялись и нос сунуть в деревни и хутора поблизости от леса. И мы, жившие в небольшой деревеньке в Винницкой области, не удивились, когда как-то вечером к нам нагрянули фрицы с полициями. Приехали на нескольких телегах. Солдаты расположились в палатках поблизости, а офицер с двумя парнями в немецких гимнастерках вежливо попросились на постой в нашу хату. Это меня и удивило – неожиданная их вежливость.

Жили мы даже не бедно, а впроголодь. Питались остатками урожая, нами с мамой на полях собранными. Были все тощими, голодными, может, и несколько одичалыми. И тут немцы снова удивили. Принесли в дом рюкзак с консервами, поели сами, а потом оставили несколько консервных коробок нам. И сегодня я помню вкус тех консервов – рыбных, сочных, во рту тающих. С тех пор до сегодняшнего дня люблю открыть баночку с рыбкой да закусить ею под картошечку. Что может быть лучше, если не перебарщивать, если не каждый день. Это я уже говорю вам, как доктор. Тогда же вдруг закралось: «Чтой-то немцы такие добрые? Прямо какие-то ненастоящие». Мы-то в своем хуторе уже имели дело с такими наезжающими. Вычищали все наши запасы до корки, забирали живность, валили плетни. Всю неделю приходилось приводить хозяйство в порядок.

А эти немцы переночевали, утром попросили воды, чтоб помыться. Мама сливала воду на спину светловолосого обер-лейтенанта. И, улыбаясь, честила его, как только могла, на русском вперемежку с украинским. «Чтоб ты подох, подлюга!» – было еще одним из самых мягких. Эта смесь двух языков насмешила нас, мальчишек. Обер ничего не понимал, лишь улыбался под струями воды, повторял нечто вроде «Гут, фрау, гут». Мама совсем разошлась, весело проклинала уже всю родню лейтенанта по его женской линии.

Тут и произошло необычное. Офицер, ну типичная немчура, весь из себя ариец, жестом попросил мать отойти вглубь двора. И сказал ей пару слов. Мама, это я увидел пусть и издали, прямо осела. Кивнула немцу, а он уселся в подкатившую телегу, махнул на прощание рукой и больше мы никогда его не видели.

Оказалось, офицер хорошо говорил на русском, польском, украинском. И предупредил маму: ваши чувства понимаю, но будьте сдержанны, ругаться с немцами – нельзя, вдруг они, как и я, говорят и понимают. Да вас бы за такое обязательно расстреляли. Берегитесь, вам детей растить, а вы, как девчонка, поступаете неосторожно. Ради чего?

Мама, а вместе с ней и мы были поражены. И когда к нам, на глухой хутор, впоследствии наезжали немцы, вели себя с ними по-другому. Хотя таких немцев, как эти, больше никогда не видели.

Прояснилось все после войны. Заглянул к нам как-то на хутор один из тех, кто был тогда с офицером. Рассказал, что группа партизан во главе с обер-лейтенантом, на всю жизнь нам с мамой запомнившимся, искала тогда ставку Гитлера. И действительно, нашли ее под Винницей, недалеко от места, где мы в годы оккупации жили. Мы тоже кое-что об этой ставке, называвшейся «Вервольф», потом услышали. Рассказывали, что 12 тысяч советских военнопленных, ее строивших и тянувших провода связи, были фашистами расстреляны. Назвал тот партизан и фамилию разведчика, носившего форму немецкого обер-лейтенанта: Николай Кузнецов, Герой Советского Союза.

Я видел фотографии Кузнецова в немецкой форме. Это, конечно, был он, тот самый «немец», оставивший нам, оголодавшим, рыбные консервы и нагнавший на нас столько страха, зато предупредивший об опасности, может, и беду отогнавший.

... Дорогие мои читатели, я всегда отношусь к вам с глубоким уважением. Купить книгу, а они теперь дешевыми не бывают, прийти на презентацию – это для меня и выражение признательности к теме разведки, к автору. С некоторыми из вас, превратившимися в моих постоянных спутников, годами переписываюсь, пусть порой отвечая на послания с некоторым опозданием. Иногда вы присылаете редкие документы, имеющие прямое отношение к моим героям, вырезки из журналов, ваши воспоминания, с содержанием моих книг связанные. За все это – глубочайшая моя благодарность. Все читаю, кое-что использую.

Но как относиться к рассказанному старым доктором? Верить? Однажды мне представилась пожилая дама, назвавшаяся внебрачной дочерью великого советского разведчика. Кое-что поведала о папе. Проверил и огорчился – выдумка, полная ерунда. Однако Анатолию Ивановичу Медвецкому я все же верю. Хочу верить. И вот почему. Не зря у нас многие русские былинные герои обретают реальные черты. Персонажи народных сказаний превращаются в людей истинных и вполне реальных. Возможно, так происходит и с Николаем Ивановичем Кузнецовым – Героем Великой Отечественной войны, а сегодня и важным действующим лицом воспоминаний тех, кому есть о чем в жизни вспомнить. Если даже и миф, то достойный, вызывающий добрые чувства, отвечающий нашим представлениям о том, каким был и остался в народной памяти герой-разведчик. Так что спасибо, доктор Медвецкий.

А сейчас обращусь к воспоминаниям тяжелым. Да и какими им быть, если речь пойдет об уничтожении верных помощниц Николая Ивановича Кузнецова.

За смертью на грузовике

Глубоко переживала гибель Кузнецова его помощница Лидия Лисовская. До чего сложный персонаж. Тут не пройдут никакие эпитеты. Надо вчитываться, анализировать, размышлять, не торопиться и с осторожными выводами.

Девичья фамилия Лисовской – Демчинская. Настоящее имя красавицы-польки, 1910 года рождения, не Лидия, а Леокардия. А сколько оперативных псевдонимов – «Лик», «Веселовская», «пани Лёля», «Фарфоровая куколка», она же «Порцелянова ляля»... В 1930 году победила в национальном конкурсе красоты «Мисс Полония».

Вокруг – толпы поклонников. Среди них, по рассказам, и отец Владимира Жириновского – Вольф. Что ж, возможно, молва не обманывает.

Демчинская прекрасно танцевала, пела, хорошо готовила, уверенно держалась в седле, стреляла без промаха и умело кружила головы мужчинам, терпеливо дожидаясь, когда ее жених Ежи Лисовский дослужится до капитана и получит разрешение на женитьбу. Дождалась, но началась Вторая мировая война, Ежи попал на фронт и осенью 1939 года пропал без вести.

Как убеждал Лидию вошедший в ее родные места офицер Красной армии, Лисовского убили фашисты. Лисовская не знала, что это не так, и уж совсем не дано было предположить, что муж переживет ее на четыре с половиной десятилетия. Есть основания полагать, что дружелюбно настроенный к Советам Ежи Лисовский занимался в Армии Крайовой вопросами разведки. Один из его родственников после войны дослужился до важного поста в Министерстве обороны Польши.

Но, конечно, Ежи Лисовский не мог и предположить, что его жена волею судьбы превратится в агента четырех разведок.

В 1938 году не прошла мимо Лидии английская Секрет интеллидженс сервис. Но Лидия Лисовская к англичанам отнеслась относительно холодно. Любила Польшу и мужа. Немцев ненавидела.

В 1940-м (по другим сведениям в 1939 году) ее, плачущую, увидел на почтамте города Ровно советский офицер. Пожалел, приободрил. Потом, познакомившись поближе, сотрудник Ровенского отдела контрразведки НКВД «разузнал» о погибшем муже и как бы между прочим завербовал, поведав о смерти Ежи от рук фашистов. Офицер Красной армии, он же опытный чекист, установил с Лисовской хорошие отношения, а потом с разрешения начальства привлек к оперативной работе. Дело агента подразделения контрразведки Ровенского отдела НКВД направили в Москву. Так что уже до войны Лисовская добросовестно оказывала советским органам госбезопасности серьезные услуги.

Немцы напали на СССР, но даже в полной сумятице лихорадочного отступления люди из НКВД успели предупредить Лидию, что на нее вскоре обязательно выйдут «свои»: надо будет отозваться на пароль «Вам привет от Попова».

Но «свои» что-то долго не приходили, а немцам блондинка с длинной косой очень приглянулась: вот они ее и завербовали.

В истории разведки немало двойных агентов, встречались и тройные. Четверных известно немного.

В 1942 году она уже помогала диверсионно-разведывательному отряду НКВД Медведева. «Свои» долго проверяли Лисовскую – официантку ресторана для немцев «Дойчегофф». Опытнейший Медведев справедливо предполагал, что такую лакомую яркую даму могут использовать охочие до блондинок фашисты.

В 1942 году Лисовская была передана на связь Николаю Кузнецову в Ровно. Даже снимавший у нее комнату обер-лейтенант Зиберт поначалу использовал Лидию втемную. Вешал лапшу на уши, восхваляя вермахт, клял русских и партизан. Лисовская полагала, будто Зиберт – каратель. И, не выдержав, обратилась к партизанскому связному Гнидюку: достаньте яд, и я отравлю мерзавца Пауля.

Тут этот самый Пауль и передал Лисовской «привет от Попова». И все, что ненавистный Зиберт вытягивал из красотки, действуя «под чужим флагом», пошло теперь к нему напрямую.

Нисколько не умаляя заслуг Николая Ивановича, скажу, что тот огромный объем разведывательной информации, который передавал в Центр Кузнецов, получить без Лисовской было бы невозможно. У нее образовался широчайший круг знакомств среди немецких офицеров и чиновников. Это она познакомила Зиберта с эсэсовцем фон Ортелем, до войны работавшим в СССР и хорошо говорившим по-русски. Сначала он неосмотрительно пообещал Паулю отдать свой долг персидскими коврами, а потом и пригласил его поучаствовать в устранении некоторых важных лиц, собиравшихся приехать осенью 1943 года в Тегеран. Так была получена информация о готовившемся немцами покушении на Сталина, Рузвельта и Черчилля на Тегеранской конференции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.